

18+

Fall away ПАДЕНИЕ

Ты нужна мне. Больше всего на свете. Я просыпаюсь и засыпаю с мыслью о тебе. *Джекс*
Он посмеется надо мной. Вскоре он возненавидит меня. *Кейси*

ПЕНЕЛОПА ДУГЛАС

Пенелопа Дуглас

Падение

«АСТ»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)44

Дуглас П.

Падение / П. Дуглас — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-104038-3

Кейси Картер всегда следовала правилам, пока случайная ошибка не испортила ее репутацию пай-девочки. Теперь она на все лето приговорена к общественным работам и отбывать наказание девушка будет в родном городке Шелберн-Фоллз, в школе, помогая отстающим ученикам подтянуть «хвосты». Казалось бы, что может быть хуже, но оказывается, настоящая проблема – это школьный приятель, живущий по соседству.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)44

ISBN 978-5-17-104038-3

© Дуглас П., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Пролог. Кейси	6
Глава 1. Кейси	12
Глава 2. Кейси	19
Глава 3. Кейси	27
Глава 4. Кейси	32
Глава 5. Кейси	46
Глава 6. Кейси	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пенелопа Дуглас

Падение

© 2015 by Penelope Douglas

© А. Маркелова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог. Кейси

Три года.

Целых три года у меня был парень, несмотря на это, больше оргазмов я испытывала наедине с собой, нежели с ним.

– Черт, детка, как же с тобой хорошо, – полусонным шепотом произнес он, лениво и влажно касаясь губами моей шеи.

Собрать вещи. Вот что я не внесла в список дел на завтра. Едва ли я забуду собрать вещи в колледж, однако вносить в список нужно все, чтобы потом можно было это вычеркнуть.

– Ты такая сексуальная, – Лиам щекотал мою кожу легкими неторопливыми поцелуями. Когда-то я, помнится, хихикала от этого, но теперь мне, скорее, хотелось его укусить.

А еще совершить мари-бросок в аптеку, вспомнила я. Мне хотелось запастись своими таблетками, чтобы хотя бы некоторое время не пришлось об этом беспокоиться. *Вещи и аптека. Вещи и аптека. Вещи и аптека. Не забудь, Кейси.*

Лиам вжался в меня бедрами, и я закатила глаза. Мы были одеты, но он, похоже, не обращал на это внимания.

Если бы я не ощущала такой усталости, то рассмеялась бы. В конце концов он редко напивался – сегодня вечером это случилось только потому, что мы были на вечеринке по случаю окончания каникул. И хотя я еще никогда в жизни не испытывала дикого, непреодолимого желания заняться сексом, мне нравилось, что он набрасывался на меня при любой возможности. Я ощущала себя желанной.

Но сегодня этому не бывать.

– Лиам, – проворчала я и, скривив губы, убрала его руку со своей груди, – думаю, на сегодня хватит, ладно? Давай запрем машину и прогуляемся до твоего дома.

Мы сидели в его машине уже больше получаса – я потворствовала его фантазиям о сексе в рискованных местах, а он... Черт, даже не знаю, что именно он сейчас делал.

Я чувствовала себя виноватой за то, что в последнее время не очень-то хотела с ним близости, что прямо сейчас не сделала шага ему навстречу. А еще за то, что мысленно дополняла свой список дел, пока он пытался – ключевое слово «пытался» – заняться со мной сексом.

Мы довольно давно не были близки, и я уже сама не понимала, в чем моя проблема.

Его голова опустилась мне на плечо, и вслед за этим я ощутила всю тяжесть обрушившихся на меня восьмидесяти двух килограммов. Он замер, и я выдохнула, расслабившись на пассажирском сиденье «камаро». Мои мышцы горели от напряжения – все это время я пыталась поддерживать вес его тела.

Он сдался. Слава богу.

Но потом я поняла, что Лиам не может двинуться с места, и застонала.

Чудесно. Теперь он вырубился.

– Лиам, – позвала я шепотом – не знаю, почему, учитывая, что мы были совершенно одни в его машине, припаркованной на темной, тихой улочке рядом с домом моей подруги Тэйт Брандт.

Выгнув шею и приподняв голову к его уху, почти полностью закрытому светлыми волосами, я прохрипела:

– Лиам, проснись! – Под грузом его тела я никак не могла вдохнуть полной грудью.

Он застонал, но так и не пошевелился.

Я прислонилась к подголовнику сиденья и заскрежетала зубами. И что мне теперь, черт возьми, делать?

Сегодня мы ездили на «Петлю», где проходила последняя летняя гонка – на следующей неделе начиналась учеба в колледже. А потом Тэйт и ее парень, Джаред Трент, закатили вече-

ринку у него дома – который находился по соседству с домом моей подруги, прямо здесь, где стояла машина Лиама. Я сказала маме, что переночую у Тэйт, а на самом деле планировала провести ночь с бойфрендом.

Который вырубился.

Дом Тэйт был заперт, автомобиль Лиама я водить не умела, а звонить матери с просьбой приехать за мной не стала бы ни за что на свете.

Дотянувшись до ручки, я распахнула дверцу и вытащила свою правую ногу из-под Лиама. Потом уперлась руками ему в грудь, приподняв его ровно настолько, чтобы выбраться из-под него и из его машины. Он издал стон, но так и не открыл глаза. Интересно, стоило ли мне волноваться о том, сколько он выпил?

Наклонившись к нему, я увидела, как с каждым вздохом спокойно и ровно поднимается его грудь. Подняла с пола ключи, которые он выронил, и свою сумочку с мобильным телефоном, захлопнула дверцу и заперла машину.

Лиам жил не так далеко отсюда, и хотя я понимала, сколь обременительна будет моя просьба, все равно собиралась разбудить Тэйт. Если, конечно, Джаред вообще давал ей спать.

Разгладив ладонями свое белое летнее платье без бретелей, я тихо пошла по тротуару. На ногах у меня были украшенные стразами сандалии. Для гоночного трека я была одета чересчур броско, но мне хотелось быть красивой на вечеринке. В конце концов, сегодня мне пришлось попрощаться с некоторыми из ребят. Во всяком случае, на время.

Сжимая в руке сумочку, в которой помещались разве что телефон и немного денег, я преодолела небольшой подъем, ведущий во двор Джареда, и поднялась на крыльцо. Свет в доме вроде бы не горел, но я знала, что там еще кто-то есть, так как на дороге стояло несколько незнакомых машин, а изнутри доносились звуки музыки. Я уловила пару слов песни, что-то вроде «сраженный болезнью».

Повернув дверную ручку, вошла в дом и заглянула за угол, в гостиную.

И застыла на месте. Как вкопанная. Что за?..

В комнате было темно: ни единого огонька, за исключением голубоватого свечения от экрана стереосистемы.

Возможно, где-то еще в доме горел свет. Возможно, рядом находился кто-то еще. Но я бы этого все равно не заметила.

Все, что я могла, – это тупо стоять на месте. В глазах жгло, а в горле встал ком. Я увидела Джексона Трента, почти полностью, черт возьми, обнаженного, и какую-то девчонку под ним.

Но тут же отвела взгляд и зажмурилась. Джекс. Я покачала головой. Нет. Мне же все равно. Почему мое сердце колотилось как ненормальное?

Джексон Трент – младший брат парня Тэйт. И ничего больше. Обычный подросток.

Подросток, который наблюдал за мной. Подросток, с которым я почти не заговаривала, рядом с которым я даже стоять опасалась. Подросток, в котором с каждым днем оставалось все меньше от подростка.

И прямо сейчас он не собирался делать передышку. Я дернулась к выходу, не желая, чтобы он – или она – меня заметили, но...

– Джекс, – выдохнула девушка. – Еще. Умоляю.

И я снова застыла, не в состоянии пошевелиться. *Просто уйди, Кейси. Тебе ведь до этого дела нет.*

Я ухватила за дверную ручку, прерывисто дыша, и снова замерла. Не могла сделать ни шагу. Руки у меня дрожали.

Прикусив нижнюю губу, я снова заглянула в гостиную и увидела его с этой девушкой.

Сердце колотилось в груди как отбойный молоток. Сильно, до боли.

Девушка – мне казалось, она не из нашей школы – была полностью обнажена и лежала животом на диване. Джекс был сзади, на ней, и, судя по спущенным джинсам и поступательным движениям, которые совершали его бедра, в ней.

Он даже не потрудился полностью раздеться, чтобы заняться любовью с этой девицей. Даже не смотрел ей в лицо. И меня это не удивляло. Учитывая надменность, которую Джекс демонстрировал в школе, он мог делать все, что хотел, и пользовался этим.

Опираясь на одну руку, другой он взял девушку за подбородок и развернул ее лицо к себе, а потом наклонился и поцеловал в губы.

Лиам никогда не целовал меня вот так. Или это я никогда так его не целовала.

Девушка – длинные белокурые волосы обрамляли лицо и рассыпались по плечам – страстно ответила на поцелуй. Их подбородки синхронно двигались, его язык проник ей в рот.

Джекс неторопливо, словно смакуя каждое движение, подавался вперед. Потом отпустил ее, провел рукой по спине, скользнул вниз и обхватил грудь. Он делал все сразу. Каждый сантиметр его тела был задействован в происходящем, и со стороны казалось, что он умеет доставлять удовольствие.

Да и почему нет? Джекса же не просто так домогались девчонки. Он был обходителен, уверен в себе и красив. Не в моем вкусе, но сексуален – отрицать этого нельзя. По словам Тэйт, в его жилах текла индейская кровь. Его кожа – гладкая как шелк, безупречная, теплого оттенка. Темно-русые, почти черные, волосы спускались до середины спины. Он часто заплетал отдельные пряди в косички и всегда собирал волосы в хвост на затылке. Я еще ни разу не видела их распущенными.

Ростом он был уже примерно метр восемьдесят два и, вероятно, совсем скоро обгонит брата. Я наблюдала Джекса на поле, когда он играл в лакросс, и в тренажерном зале, который посещали мы оба.

Я видела, как напрягались мышцы в его руках, когда он, нависнув над этой девушкой, двигался внутри нее. При лунном свете, падавшем в окно, я различала V-образную форму его торса.

Не нарушая ритма, он что-то прошептал ей на ухо, и она словно по команде опустила одну ногу на пол, другую согнула в колене и выгнула спину.

Джекс запрокинул голову назад и оскалится, входя в нее еще глубже. Я продолжала смотреть, рассеянно водя пальцем по шраму на внутренней стороне запястья.

Я хотела, чтобы и у меня было вот так. Я хотела задыхаться, как она, ловить ртом воздух, терять рассудок, испытывать страсть и голод. Когда-то я была счастлива с Лиамом, и после того как он наломал дров, приняла его обратно: считала, что наши отношения того стоят. Но теперь, глядя на это... я поняла, что мы что-то упускаем.

Я не почувствовала, как слезы навернулись на глазах, но потом слезинка упала на платье, и я поспешно заморгала, утирая лицо.

И тут краем глаза заметила, что в комнате есть кто-то еще. Еще одна девушка, почти полностью раздетая – в лифчике и трусиках. Я сглотнула, едва не поперхнувшись от удивления, резко втянула воздух, а потом опять сглотнула.

Какого черта?

Она пересекла комнату – должно быть, до сих пор стояла у окна, потому что я ее не замечала, – наклонилась к Джексу и страстно его поцеловала.

К горлу подступила тошнота.

– Фу! – выдохнула я и, отшатнувшись назад, натолкнулась на стену. Кое-как нащупала входную дверь, распахнула ее и выскочила наружу не оглядываясь.

Спрыгнув с лестницы, пустилась бежать по траве, когда за моей спиной раздался низкий голос:

– Стой!

Я не остановилась.

К черту. К черту Джексона Трента. Не знаю, почему я так взбесилась, да и какая вообще разница?

Пробежав по газону, я метнулась к тротуару, жалея о том, что не надела кроссовки вместо сандалий, которые болтались у меня на ногах.

– Стой – или я уложу тебя на лопатки, Кейси! – громко рявкнул Джекс за моей спиной, и я резко остановилась.

Черт. Я быстро посмотрела налево, потом направо, ища пути к отступлению.

Он же этого не сделает, правда?

Затем медленно развернулась, глядя, как он спускается по ступеням и идет ко мне. Слава богу, он надел штаны. Но это наверняка было не сложно, учитывая тот факт, что он их в общем-то, и не снимал. Темные потертые джинсы низко сидели на бедрах, и мне, черт возьми, довелось вполне отчетливо разглядеть мышцы пресса. У него было тело пловца, но я точно не знала, занимается ли он плаванием. Так как пояс его джинсов находился прямо над линией лобка, я догадалась, что они надеты на голое тело. В животе стало горячо от мысли, что под ними скрывается, и я сжала бедра.

Уставившись в землю, я гадала, смогу ли вообще поднять на него взгляд. Он же всего лишь подросток. Интересно, он на многих девушек так действует?

Джекс остановился, нависнув надо мной, так как был сантиметров на пятнадцать выше.

– Что ты здесь делаешь? – не без упрёка спросил он.

Я поджала губы и, насупившись, стала смотреть мимо него, по-прежнему избегая прямого взгляда.

– Ты же час назад ушла со своим ушлепком, – подметил он.

Я продолжала прятать глаза.

– Кейси! – Он поднес руку к моему лицу и пару раз щелкнул пальцами. – Давай разберемся, что сейчас произошло. Ты вошла в мой дом среди ночи без приглашения и стала свидетельницей того, как я, у себя дома, занимаюсь сексом с девушкой. Теперь перейдем к следующему вопросу. Почему ты бродишь одна в темноте?

Я наконец подняла на него глаза и усмехнулась. Мне всегда приходилось это делать, чтобы не выдать, что я на самом деле испытывала при виде его голубых глаз. Для человека столь страстного и необузданного эти голубые глаза были как будто совершенно не к месту, но в то же время они ему шли. Они были цвета тропического моря. Такого цвета бывает небо перед тем, как затянуться грозowymi тучами. Тэйт называла их небесно-голубыми. Я же – адовыми.

Скрестив руки на груди, я сделала глубокий вдох и почти выплюнула следующие слова:

– Лиам слишком пьян, чтобы вести машину, ясно? Он отрубился.

Джекс посмотрел на дорогу, туда, где стояла машина Лиамы, и прищурился, а потом снова хмуро воззрился на меня.

– Так почему ты не можешь отвезти его сама?

– Я не умею ездить на механике.

Джекс закрыл глаза и покачал головой. Провел рукой по волосам, а потом вдруг сжал их в кулаке.

– Твой бойфренд – чертов debil, – прорычал он и раздраженно опустил руку.

Я вздохнула, не желая вдаваться в эту тему. Они с Лиамом никогда не ладили – я толком не знала почему, однако понимала, что большей частью в этом виноват Джекс.

Я была знакома с ним почти год, и, хотя мне были известны незначительные факты из его биографии – он разбирался в компьютерах, настоящие родители не принимали участия в его жизни, и он относился к маме своего брата как к родной, – он по-прежнему оставался для меня загадкой. Все, что я знала, – иногда он смотрел на меня, но в последнее время с каким-то презрением. Словно был разочарован.

Вздернув подбородок, я произнесла равнодушным тоном:

– Я знала, что Тэйт сегодня останется у Джареда, и мне не хотелось будить ее папу, чтобы он впустил меня к ним в дом. Мне нужно, чтобы она помогла мне отвезти Лиама домой, а потом отвела меня к себе. Она не спит?

Джекс покачал головой, и я не совсем поняла, что это означает – «нет» или «ты, наверное, пошутила».

Запустив руку в карман джинсов, он вытащил ключи от машины.

– Я отвезу тебя домой.

– Нет, – поспешно сказала я. – Мама думает, что я сегодня ночую у Тэйта.

Он посмотрел на меня, сузив глаза, и я уловила в его взгляде осуждение. Ага, я солгала матери, чтобы провести ночь с парнем. И да, в свои восемнадцать я все еще не располагала свободой, доступной взрослым. *Хватит так на меня смотреть.*

– Не двигайся, – скомандовал Джекс, развернулся и пошел обратно к дому.

Меньше чем через минуту он снова появился во дворе и направился по газону к дому Тэйта, дернув подбородком, чтобы я следовала за ним. Догадавшись, что ему удалось раздобыть ключи, я подбежала к нему как раз в тот момент, когда он поднимался по ступеням на крыльцо.

– А как же Лиам? – Как я оставлю своего парня в машине на всю ночь? Что если с ним что-то случится? Или ему станет плохо? А папу Тэйт удар хватит, если я попытаюсь притащить Лиама в его дом.

Джекс отпер входную дверь – не знаю точно, чьим ключом, Тэйт или Джареда, – и вошел в темную прихожую. Повернувшись ко мне, театрально махнул рукой, приглашая в дом.

– Джаред поедет следом за мной на своей машине, а я сяду в тачку этого ушлепка и отвезу его домой, пойдет? – Он полуприкрыл глаза с таким видом, словно все это начало его утомлять.

– Не причиняй ему вреда, – предостерегла я, переступая порог и проходя мимо него.

– Не буду, хоть он того и заслуживает.

Я резко повернулась к нему, изогнув бровь, и с улыбкой произнесла:

– О, считаешь, что ты намного лучше Лиама, Джекс? Ты хоть знаешь, как зовут этих твоих шалав?

Он тотчас поджал губы.

– Они не шалавы, Кейси, а подруги. И я уж, черт возьми, сделал бы все, чтобы моя девушка научилась ездить на механике. А еще я бы не стал напиваться до такой степени, что не смог бы позаботиться о ней.

Эта его вспышка застала меня врасплох, и я тут же опустила глаза, испытав чувство вины, от которого мурашки побежали по коже.

Почему я пыталась унижить его? Джекс действовал мне на нервы, но он был неплохим парнем. В школе он определенно вел себя лучше, чем его братец в прошлом. Джекс проявлял уважение к учителям и был со всеми приветлив.

Почти со всеми.

Я сделала глубокий вдох и расправила плечи, готовая проглотить свою гордость.

– Спасибо. Спасибо за то, что отвезешь Лиама домой, – произнесла я, вручая ему ключи от машины. – Но как же твои... – Я сделала жест рукой, пытаясь подобрать подходящее слово. – Твои гости?

– Подождут, – ухмыльнулся он.

Я закатила глаза. *Ла-адно.*

Сняв резинку с пучка, распустила свои каштановые с красноватым отливом волосы, и они рассыпались по плечам. Подняла взгляд, заметив, что Джекс приблизился ко мне.

Подступив ко мне вплотную и почти оперевшись в меня грудью, он заговорил низким, уверенным голосом, в котором не было ни единого намека на то, что это шутка:

– Конечно, если ты не хочешь, чтобы я отправил их домой, Кейси.

Отправил их домой?

Я покачала головой, отметаая его намек. Именно так я отреагировала на него при нашей первой встрече прошлой осенью и так же реагировала впоследствии – всякий раз, когда он отпускал какой-нибудь непристойный комментарий. Это стало моим традиционным, безопасным ответом, потому как я не могла позволить себе иную реакцию.

Но на сей раз Джек не улыбался и не дерзил. Возможно, он сказал это на полном серьезе. Интересно, если бы я попросила его выдворить девушек, он бы это сделал?

И когда он протянул руку и медленно провел пальцем по моей ключице, время словно остановилось, и я начала смаковать эту мысль.

Горячее дыхание Джекса на моей шее, мои спутанные волосы, прилипшие к телу, на полу – сорванная одежда, и он, кусающий мои губы и вгоняющий меня в жар.

О, Господи. Я втянула воздух сквозь сжатые зубы и отвела взгляд, сощурившись, чтобы вернуть контроль над своим проклятым разумом. *Какого черта?*

И тут Джек рассмеялся.

В этом смехе не было дружелюбия. Не было намека на то, что он пошутил.

Нет, он смеялся надо мной.

– Не беспокойся, Кейси, – улыбнулся он, глядя на меня сверху вниз с таким видом, словно считал меня жалкой. – Я прекрасно понимаю, что твоя киска слишком драгоценна для меня.

Прости, что ты сказал?

Я скинула его руку со своей ключицы и выпалила, сжав кулаки:

– Знаешь что? Поверить не могу, что говорю это, но сейчас мне кажется, что по сравнению с тобой даже Джаред – настоящий джентльмен.

И этот маленький говнюк усмехнулся и, придвинувшись ко мне, произнес:

– Я люблю брата, но заруби себе на носу: мы с ним ни капли не похожи.

Точно. Мое сердце не выпрыгивало из груди, когда рядом оказывался Джаред. Волоски на руках не вставали дыбом в его присутствии. Я не ощущала кожей каждое его движение, каждый шаг, когда мы с ним находились в одном помещении. Да, Джек и Джаред были совершенно разными.

– Татуировки, – пробормотала я.

– Что?

Вот черт! Я сказала это вслух?

– Э-э-э... – выдавила я, глядя широко раскрытыми глазами прямо перед собой, как раз на его обнаженную грудь. – Татуировки. У Джареда они есть. А у тебя нет. Почему?

Он сдвинул брови, но рассерженным не выглядел. Скорее... озадаченным.

У Джареда татуировки были на спине, плече, предплечье и частично покрывали торс. Даже у лучшего друга Джареда и Джекса, Мэдока Карутерса, была татуировка. Казалось бы, при таком влиянии Джек должен был сделать хотя бы одну. Но нет. Его безупречный торс и руки оставались чистыми.

Он долго смотрел на меня, а потом облизнул губы и прошептал с задумчивым видом:

– У меня есть татуировки. Слишком много.

Не знаю, что я в тот момент разглядела в его глазах, но было очевидно: никогда прежде я этого не замечала.

Он попятился и, не посмотрев на меня напоследок, развернулся и вышел из дома. Закрыв дверь, запер ее на замок и тихо спустился по ступеням с крыльца.

Через пару минут я услышала, как взревели моторы «босса» Джареда и «камаро» Лиама, и машины помчались по темной улице.

Час спустя я все еще лежала без сна в постели Тэйт, водила пальцем по ключице – там, где он ко мне прикасался, – и гадала, какой он, Джексон Трент, которого мне так и не довелось узнать.

Глава 1. Кейси

(Два года спустя)

Шелберн-Фоллз – среднего размера городок на севере Иллинойса. Не слишком маленький, но и не большой, с единственным торговым центром. На первый взгляд он кажется живописным, оригинальным – в нем не найти двух похожих строений – и очень гостеприимным, ведь здесь ты не раз услышишь фразу: «Помочь вам донести покупки до машины?».

Конечно, за закрытыми дверями местных домов таились свои секреты, и вокруг всегда оказывалось слишком много пытливых взглядов, но небо было голубым, шелест листьев на ветру – мелодичным, и дети по-прежнему играли на улице, а не проводили все свободное время за видеоиграми.

Город мне нравился, но я не любила вспоминать, какой я была, когда жила здесь.

Два года назад, уехав в колледж, я дала себе обещание каждый день становиться лучше. Я хотела быть внимательной девушкой, достойной доверия подругой, идеальной дочерью.

Я редко приезжала домой; прошлое лето решила провести в Орегоне, работала в летнем лагере, потом ездила в Сан-Диего – в гости к своей соседке по комнате, Ник. Моя мать не упустила возможности похвастаться тем, какую насыщенную я веду жизнь, а прежние друзья вроде как по мне и не скучали, так что сложилось все очень даже хорошо.

Шелберн-Фоллз – неплохое место. На самом деле безупречное. Но я здесь была отнюдь не безупречна, и мне не хотелось возвращаться домой до тех пор, пока я не сумею доказать всем, что стала сильнее, жестче и умнее.

Но вляпалась в дерьмо. И очень эффектно.

Я не просто оказалась в своем городе гораздо раньше, чем планировала, – кроме всего прочего, мое возвращение было продиктовано судебным предписанием. *Классное же ты произвела впечатление, Кейси.*

У меня зазвонил телефон, и я моргнула, очнувшись от раздумий. Поправив одеяло, села в постели и провела пальцем по экрану своего смартфона.

– Привет, Тэйт, – улыбнулась я, даже не удосужившись сказать «алло». – Рано ты проснулась.

– Прости. Не хотела тебя будить.

Услышав ее приветливый голос, я испытала облегчение.

– Ты и не разбудила. – Я спустила ноги с кровати и поднялась, потягиваясь. – Как раз собиралась встать.

В старших классах школы Тэйт была моей лучшей подругой. И до сих пор, наверное, ей оставалась. Хотя в выпускном классе наши отношения испортились по моей вине.

Меня не было рядом, когда она во мне нуждалась, и теперь подруга держала дистанцию. Я ее не корила: сама наломала дров, но так и не смогла собраться с духом, чтобы поговорить с ней об этом. Или хотя бы просто попросить прощения.

Но мне стоило это сделать, несмотря на «мудрые» наставления моей матери:

«Когда просишь прощения – унижаешься, Кейси. Твой поступок станет ошибкой только тогда, когда ты признаешь свою вину. До тех пор это просто разница во мнениях. Никогда не извиняйся. Это делает тебя слабее в глазах других людей».

Однако Тэйт спустила на тормозах. Похоже, она поняла, что я нуждаюсь в ее дружбе больше, нежели она – в моих извинениях.

В общем и целом я была твердо уверена в двух вещах. Она любила меня, но не доверяла мне.

Сейчас, болтая со мной, она что-то жевала; я услышала, как на заднем плане хлопнула дверца холодильника.

– Я просто хотела убедиться, что ты обустроилась и у тебя все хорошо.

Я натянула на живот свою задрвшуюся белую майку на лямках и подошла к балконным дверям.

– Тэйт, спасибо большое тебе и твоему папе за то, что разрешили мне приткнуться здесь. Я чувствую себя обузой.

– Ты шутишь? – удивленно выпалила она, и ее голос сорвался на высокие нотки. – Мы всегда тебе рады. Будешь жить у нас столько, сколько потребуется.

Добравшись до Шелберн-Фоллз вчера вечером – сначала на самолете, а потом на такси, – я быстро распаковала одежду в старой комнате Тэйт, приняла душ и изучила содержимое кухонных шкафчиков, чтобы понять, какие продукты мне нужно будет купить. Оказалось, что в доме есть все необходимое. Кухонные шкафы и холодильник были до отказа заполнены свежими продуктами, что показалось мне довольно странным, учитывая тот факт, что папа Тэйт с мая находится в Японии и вернется не раньше осени.

– Спасибо, – ответила я, роняя голову. Ее щедрость вызвала у меня укол вины. – Возможно, мама со временем отгает.

– А в чем ее проблема? – Прямой вопрос подруги застал меня врасплох.

Я горько усмехнулась и открыла белые французские двери балкона, чтобы впустить в комнату душистый летний ветерок.

– Мой привод в полицию плохо гармонирует с ее безупречной гостиной. Вот в чем проблема, Тэйт.

Моя мать жила всего лишь в нескольких кварталах отсюда; забавно, но она на полном серьезе считала, будто избежит пересудов, если не позволит мне остановиться дома, пока я не покончу с общественными работами. Эти сучки из бизнес-клуба все равно будут перемывать ей кости.

Хотя нет, это вовсе не забавно. И мне не стоило смеяться.

– Твой «привод в полицию», – передразнила меня Тэйт. – Уж не думала, что доживу до этого дня.

– Только не надо издеваться.

– Я и не издеваюсь, – заверила меня она. – Я горжусь тобой.

Что?

– Не потому, что ты нарушила закон, – поспешно добавила Тэйт. – А потому, что сумела постоять за себя. Всем известно, что и мне светил бы привод в полицию, если бы Джаред и Мэдок не использовали свои связи. Ты совершаешь ошибки, как и все остальные, но, если тебе интересно мое мнение, этот козел Лиам получил по заслугам. Так что да. Я горжусь тобой.

Я хранила молчание, понимая, что она старается меня подбодрить. Я довольно жестоко обошлась со своим бойфрендом после пятилетних отношений.

Но потом, вдохнув свежий утренний воздух, я покачала головой. Возможно, ошибки совершают все, но не всех арестовывают.

Я могла лучше. Гораздо лучше. И сделаю это.

Я выпрямилась и, держа телефон в одной руке и рассматривая ногти на другой, спросила Тэйт:

– Так когда ты вернешься домой?

– Не раньше, чем через пару недель. Мэдок с Фэллон вчера уехали отдыхать в Мехико, а Джаред в «Лагере Коммандо» до конца июня. Я скоро поеду навестить отца, но пока пользуюсь отсутствием Джареда и навожу красоту в нашем жилище.

– А, – задумчиво произнесла я, глядя на соседний дом сквозь листву деревьев. – Да здравствуют ароматические свечи и декоративные подушки, – поддразнила ее я.

– Не забудь об ажурных салфетках на унитазах и акцентных светильниках.

Мы обе рассмеялись, но мой смех даже мне показался каким-то наигранным. Я не любила слушать про их жизнь, частью которой не являлась. Джаред и Тэйт оба учились и жили вместе в Чикаго. Он проходил вневоинскую подготовку офицеров резерва или что-то вроде того и сейчас уехал на учения во Флориду. Его лучший друг Мэддок – тоже мой бывший одноклассник – уже женился и теперь учился в Чикаго вместе с Джаредом, Тэйтом и своей женой, Фэллон, с которой я была толком не знакома.

У них была тесная компания, но я к ней больше не принадлежала. Внезапно я ощутила тяжесть на сердце. Я скучала по своим друзьям.

– Так или иначе, – продолжала Тэйт, – все скоро вернется домой. Мы думаем устроить поход на День независимости, так что сделай одолжение. Подготовься. Дай себе волю. Не принимай сегодня душ. Надень бюстгальтер и трусики из разных комплектов. Пойди купи сексуальный купальник. Будь сумасшедшей. Поняла?

Сексуальный купальник. Поход. Тэйт, Фэллон, Джаред и Мэддок и все их безумства. Две пары и я – не пришей кобыле хвост. О'кей.

Я бросила взгляд на скрытый в темноте соседний дом, где когда-то жил бойфренд Тэйта. Его брат Джекс раньше жил здесь тоже, и внезапно мне захотелось расспросить Тэйта о нем.

Сумасшедшая.

Я покачала головой. На глазах выступили слезы.

Тэйт. Джаред. Фэллон. Мэддок.

Все свободные и сумасшедшие.

Джексон Трент и все те шансы, которые он мне давал и которыми я так и не воспользовалась. Сумасшествие.

Слезы тихо покатались по моим щекам, но я хранила молчание.

– Кейси! – позвала Тэйт, не дождавшись моего ответа. – У вселенной есть на тебя планы, детка. Готова ты к этому или нет. Ты можешь быть или водителем, или пассажиром. Иди и раздобудь сексуальный купальник для похода. Поняла?

Я слотнула ком в горле, по ощущениям похожий на металлическую губку, и кивнула.

– Поняла.

– А сейчас подойди к моему комоду и открой верхний ящик. Я оставила там два подарочка для тебя, когда была дома в минувшие выходные.

Насупившись, я последовала ее указаниям.

– Значит, ты приезжала домой на днях?

Жаль, что я ее не застала. Мы с ней не виделись года полтора.

– Ну, я хотела убедиться, что там чисто, – ответила Тэйт, пока я шла к противоположной стене, где стоял комод, – и у тебя будет что поесть. Но я не смогла задержаться, чтобы дождаться твоего приезда, прости.

Дернув на себя ящик комода, я застыла на месте. У меня перехватило дух, а глаза едва не выскочили из орбит.

– Тэйт! – пискнула я, как мышь.

– Тебе нравится? – поддразнила она меня с явной ухмылкой, которая читалась в ее голосе. – Он водонепроницаемый.

Я протянула дрожащую руку и вытащила из ящика фиолетовый вибратор «Джек Рэббит» в прозрачной пластиковой упаковке.

О господи.

– Он же огромный! – ахнула я, выронив из рук и телефон, и вибратор. – Черт!

Торопливо подняв с ковра оба предмета, я обхватила себя руками и рассмеялась в трубку:

– Ты сумасшедшая. Ты в курсе?

На другом конце линии послышался радостный смех. Вот так, в считанные мгновения мои слезы сменились улыбкой.

Когда-то я была более опытной в этих делах, нежели Тэйт. Кто бы мог подумать, что именно она купит мне мой первый вибратор?

– У меня точно такой же, – произнесла она. – Составляет мне компанию в отсутствие Джареда. Кстати, а на айпode у тебя злющая рок-музыка, – добавила она.

Ах да. Я снова заглянула в ящик комода и увидела там уже распакованный iPod Touch с обернутыми вокруг него наушниками. Тэйт уже загрузила туда музыку.

– Это *точно* поможет тебе забыть этого козла. – Она имела в виду Лиама. Лиама, из-за которого я, в общем-то, и влипла в неприятности.

– Или забыть Кейси Картер, – пошутила я и задумалась, какие батарейки нужны для вибратора.

– Спасибо, Тэйт, – сказала я, надеясь, что подруга слышит искреннюю благодарность в моем голосе. – Как бы то ни было, мне намного лучше.

– Используй оба моих подарка, – строго произнесла она. – Начни сегодня же. А еще попробуй употреблять выражение «твою мать». Тебе точно станет легче. Уж поверь.

И она повесила трубку, не попрощавшись.

Я отняла телефон от уха и озадаченно посмотрела на экран. Улыбка на моем лице постепенно сменилась недоумением.

Я употребляла выражение «твою мать». Просто не вслух.

– Ты наверняка нервничаешь, но уже на второй день все станет проще. – Директор Мастерс размашисто шагал по коридору школы, в которой я училась, а я пыталась угнаться за ним. – А через десять дней, – продолжал он, – тебе будет комфортно, как в разношенной обуви.

Я отметила про себя, что мне никогда не позволялось носить обувь достаточно долго для того, чтобы она разносилась. Но решила поверить ему на слово.

– Я просто не понимаю, – задыхаясь, сказала я, переходя на бег, чтобы не отстать, – как человек без опыта преподавания – без соответствующего образования – должен подготовить восемь человек к выпускному классу.

Не слышала ничего глупее.

Когда я узнала, что меня отправят домой для выполнения общественных работ, я почувствовала небольшую досаду и в то же время сильное облегчение.

С одной стороны, мне, разумеется, не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о той идиотской выходке, из-за которой меня арестовали, с другой стороны, в Финиксе летом жить было негде. Возвращение домой стало вполне удачным раскладом.

Даже когда мать сообщила мне, что я поживу в пустующем доме Брандтов, дабы не позорить ее своим присутствием, я все равно сочла, что это лучше, чем торчать в Аризоне, зная, что мой бывший живет в *нашей* квартире с другой девушкой.

Но преподавание! Кому это вообще могло прийти на ум?

– Ты будешь не преподавать, – парировал директор Мастерс, немного повернув голову – так, что я видела его профиль. – Ты будешь куратором. Это не одно и то же. – Тут он остановился и резко развернулся ко мне лицом. – И позволь рассказать тебе кое-что о преподавании. У тебя могут быть лучшие учителя на свете, располагающие самыми научно обоснованными ресурсами из всех, что можно купить за деньги, и все равно они потерпят неудачу. Ученикам нужно внимание. Только и всего. – Он взмахнул руками, будто рассекая ладонями воздух между нами. – Им нужно время тет-а-тет, ясно? У тебя в списке восемь семнадцатилетних ребят, и ты будешь здесь не одна. В школе есть и другие кураторы и преподаватели, которые проводят летние занятия. Болельщицы и члены музыкальной группы тоже появляются тут время от времени, а еще почти каждый день на поле выходят парни из команды по лакроссу.

Поверь мне, этим летом школа не будет пустовать. Найдешь себе помощников, если тебе они понадобятся.

– Вы вот так всем кураторам помогаете?

Он улыбнулся и снова зашагал.

– Нет. Но ведь никто из них не выполняет общественные работы, назначенные судом.

Уф. А я и забыла об этом на пять блаженных секунд.

– Простите. – Я поморщилась. – Вышло довольно неловко, знаю.

– Напротив, все даже очень кстати.

Мне нравился энтузиазм в его голосе. С нашим директором всегда было легко общаться.

– Наверное, это идеальное стечение обстоятельств – ты смогла приехать на лето домой, чтобы выполнить требование суда. И можешь сделать это в комфортной и знакомой обстановке.

Да, насчет этого...

– Как так получилось, что меня направили сюда? – осмелилась спросить я, сжимая в руках школьный портфель Тэйт из темно-коричневой кожи, который обнаружила сегодня утром у нее в шкафу.

– Я об этом попросил.

Да, но...

– Информация о тебе пришла на мою электронную почту, – пояснил он. – Я знаю тебя, доверяю тебе – в целом – и знаю, что пишешь ты просто блестяще. Мисс Пенли до сих пор показывает некоторые из твоих эссе и докладов в качестве примера другим ученикам. Тебе об этом известно?

Покачав головой, я последовала за ним по лестнице на второй этаж, к той классной комнате, в которой мне предстояло заниматься.

Я любила писать. Всегда любила. Мне совершенно не удавались устные выступления, дискуссии или пересказы, но дайте мне ручку, бумагу и немного времени – и мои мысли сложатся самым идеальным образом.

Если бы жизнь можно было редактировать, как рассказ, я бы в ней преуспела.

Мастерс продолжал:

– А еще я знал, что у тебя есть опыт работы с ребятами в летнем лагере. Поэтому твоя кандидатура показалась мне вполне подходящей.

Мои вьетнамки шлепали по гладкому, выложенному плиткой, полу. Мы поднялись на второй этаж.

– Но вы сказали, что информация обо мне пришла вам на почту? – уточнила я. – Кто вам ее отправил?

– Понятия не имею. – Он наморщил брови, с любопытством разглядывая меня. – Думаю, кто-то из чиновников, работающих в департаменте по вопросам исполнения наказаний.

И в этот момент он остановился перед дверью, за которой прежде – а может, и сейчас – находилась химическая лаборатория доктора Портера. – Раз уж речь зашла об этом, то помни, – он погрозил мне пальцем, – твои особые обстоятельства разглашать не стоит. Верю, что мне нет необходимости говорить тебе об этом, но на всякий случай хочу все прояснить. Эти ребята не должны знать, почему ты здесь. Понятно?

– Да, сэр. Разумеется. – Я сжала в кулаке ремешок сумки, висевшей у меня на плече. Мне стало неловко. – Спасибо, что доверяете мне.

Взгляд его голубых глаз смягчился, и он едва заметно улыбнулся.

– Здесь и будет твой кабинет. – Он кивнул на дверь лаборатории, а затем вручил мне стопку папок. – Тут диагностические карты на каждого ученика, заметки преподавателей, учебные планы и копии журналов. Изучи их. Увидимся в понедельник, Кейси.

С этими словами он оставил меня. Я огляделась, оценивая обстановку. У меня было столько вопросов. Этим ребятам по семнадцать. Что если они не захотят слушать кого-то, кто старше них всего на несколько лет? Что я буду делать, если возникнут проблемы с поведением? Разумеется, Джаред и Джексон Тренты здесь больше не учились, но я была уверена, что на смену им пришли другие отморозки. И почему занятия по письменной речи должны проводиться в химической лаборатории? Разве у меня не будут брать отпечатки пальцев перед работой с несовершеннолетними?

Стоп. У меня уже брали отпечатки пальцев.

Я усмехнулась себе под нос. Что ж, это лучше, чем плакать. Как же все меняется.

Когда учишься в старших классах, то считаешь себя самым умным, думаешь, что все твои планы воплотятся в жизнь, что ты уже на пути к успеху и впереди тебя ждут деньги и престижная работа, ведь ты – важная персона, а значит, сразу по окончании школы станешь тем человеком, которым всегда хотел быть.

О чем ты не думаешь, так это о том, что в свои двадцать будешь еще более растерян, чем в семнадцать. Заглянув в кабинет сквозь стекло в двери, я поежилась от пробежавшего по коже холодка. Интересно, в свои двадцать пять я буду пребывать в еще большем замешательстве, чем сейчас? Раньше мой жизненный путь казался мне простым и понятным, а теперь на нем выросло столько преград, что я едва могла идти вперед.

Однако этим летом мне буквально не светило ничего иного, кроме как ходить пешком. Так как меня на год лишили водительских прав, я разрешила Ник увезти мою машину в Сан-Диего, утешаясь тем фактом, что в городе нет никого из моих друзей – по крайней мере, сейчас. А значит, то, что я теперь пешеход, не будет меня тяготить.

Школа и тренажерный зал. Время от времени – продуктовый магазин. Вот и все места, в которых я собиралась бывать. Все они находились в пешей доступности, хоть и на довольно приличном расстоянии от дома Тэйт.

Я решила вернуться домой. До поры до времени мне не хотелось переступить порог классной комнаты. Я заслуженно понесла наказание, но от этой мысли мне не становилось легче. Меня не радовала перспектива провести все лето в душном, затхлом помещении, полном людей, которые, как и я, не испытывали никакого желания здесь находиться.

Выйдя из школы, я достала из сумки айпод Тэйт и вставила наушники в уши. Просматривая плей-лист, не сдержала улыбки – ни один из загруженных ею треков не был мне знаком.

Мы с Тэйт любили одинаковую музыку еще до нашего знакомства. Но с годами я просто устала спорить с матерью из-за тех песен, которые включала у себя в комнате, поэтому просто сдалась. Вообще перестала слушать музыку, потому что воспоминания о разногласиях с матерью вечно все портили.

Включив композицию *Take Out the Gunman* группы Chevelle, я прибавила громкость до такой степени, что у меня заболели уши. Но я все равно расплылась в улыбке, услышав этот сексуальный голос, от которого в груди начался настоящий фейерверк эмоций. Я шла домой, не обращая внимание ни на что, – сейчас для меня существовал только грохот музыки, от которой мне хотелось смеяться, от которой сердце билось чаще, а голова покачивалась в такт.

На соседних улочках было пусто, лишь изредка мимо проезжали машины. Ногам было тепло от попадавших на кожу солнечных лучей. Внезапно я поняла, как сильно скучала по лету в родном городе.

Со всех сторон меня обступали пышные зеленые деревья, их листья покачивались на легком ветру. В воздухе витал запах подстриженных газонов и барбекю.

У обочины остановился фургончик с мороженым, и дети помчались к нему.

Мне было так хорошо. Впервые за очень долгое время я испытывала умиротворение, несмотря на все свалившиеся на меня неприятности.

Я поняла, что никто меня не ждет, никто за мной не следит и никто меня не побеспокоит. В конце концов мать, конечно, позвонит, да и в понедельник – приступить к работе, а осенью – вернуться к изучению политологии в колледже.

Но сейчас я была свободна.

А еще мне было жутко жарко. Я вытерла капли пота со лба. В этом Шелберн-Фоллз, конечно, уступает Аризоне. Здесь выше влажность.

Но сегодня я продумала свой наряд до мелочей: надела белую юбку из кружева кроше, в которой мои загорелые ноги смотрелись еще лучше, и дополнила ее весьма консервативной тонкой белой блузкой на пуговицах. Однако на спине выступил липкий пот, и мне было уже невмоготу. Я расстегнула блузку, сняла ее и повесила на сумку, оставшись в одном белом топе.

Мои темные длинные волосы растрепались и стали влажными от пота во время ходьбы. Теперь я жалела, что не собрала их.

Сойдя с тротуара, я стала переходить пустую дорогу и внезапно почувствовала, как сердце ухнуло вниз.

О нет.

По другую сторону широкого газона городского парка, возле кофейни, стоял припаркованный автомобиль Лиама, моего бывшего, который изменил мне дважды и который должен был провести это лето в Финиксе. *Черт!*

Запрокинув голову, я закрыла глаза. *Повезло так повезло.*

Стиснув зубы, я каждой мышцей ощущала напряжение.

И тут земля вдруг задрожала у меня под ногами, и по телу пошли вибрации. Испугавшись, я буквально подпрыгнула на месте.

Затем огляделась и поняла, что замерла прямо посреди дороги. Я заморгала, округлившимися глазами глядя на машину – на самом деле целую кучу машин, – которые просто стояли на месте и безмолвно ждали, пока я уберусь с их пути. И сколько уже они тут стоят?

Мурашки пробежали по спине, тело охватила дрожь. К черту Лиама! Я едва замечала другие машины. Мой взгляд был прикован к той, что стояла во главе колонны, черной машине с наглухо затонированными стеклами.

«Мустангу GT» Джексона Трента.

Глава 2. Кейси

Этого я не ожидала. Ни на минуту я не питала иллюзий, что Джекс по-прежнему в городе. В странном оцепенении я перешла дорогу. В ушах грохотала песня Chevelle. Обернувшись, увидела, что «мустанг» по-прежнему стоит на месте.

Что он делает?

Наконец он дал газу и медленно проехал мимо, а за ним – одна за другой – остальные навороченные тачки.

Во рту у меня пересохло так, что язык по ощущениям походил на жесткую металлическую щетку.

Мимо меня пронеслось еще несколько автомобилей – от порыва воздуха моя короткая юбка прилипла к бедрам. Я словно оказалась в эпицентре какого-то проклятого парада.

Что, вообще, происходит?

Некоторые автомобили были мне знакомы. Так как Лиам, Джаред и Тэйт когда-то гонялись на «Петле», я успела усвоить по меньшей мере несколько вещей. Я знала, например, что у Джекса – «мустанг», что эта машина по-прежнему принадлежит ему, так как заметила на номере слово native – «коренной». За ним следовала машина моего бывшего одноклассника Сэма. Это был «дождь челленджер», какого года – я понятия не имела. В колонне были еще один «мустанг», Chevy SS и несколько более древних «фордов» и «понтиаков».

А еще я заметила несколько автомобилей, которые были здесь совершенно не к месту.

«Субару»? «Хендэ»? А это что – «мини купер»?

Брат Джекса, Джаред, скорее откусил бы себе язык, чем засветился бы рядом с такими автомобилями. И они тоже были все тюнингованные, причудливо окрашенные, с громадными спойлерами сзади.

Ух ты!

Их была тьма тьмущая. Я просто стояла и смотрела, а автомобили один за другим проносились мимо, каждый со своим неповторимым звуком. От рычания их моторов вибрировал асфальт, и вибрации поднимались вверх по телу, отчего у меня гудело в животе.

Я жала бедра и поморщилась. Сейчас я сама себе была противна.

Я так сильно возбудилась, что даже не помнила, когда в последний раз мое тело так пылало.

Я еще раз оглянулась на «мустанг» Джексона Трента, который завернул за угол и исчез из виду.

Следующие несколько часов я изо всех сил пыталась занять себя. Ни друзей, ни машины, ни свободных денег – я просто не знала, куда деться. Безделье, как известно, – игрушка дьявола. Скука приносит одни беды, а беда, судя по всему, по-прежнему жила в соседнем доме.

Какого черта со мной творится? Я еще даже не видела этого парня, а мои мысли заняты только им. Я представляла его в машине, как обычно, одетого во все черное. Представляла, как он прикасается ко мне под эту песню Chevelle. Каким он сейчас стал?

Добравшись до дома, я переделалась в спортивную одежду и направилась в тренажерный зал, полная решимости убить калории на тренировке по кикбоксингу. А потом задержалась в сауне, надеясь избавиться от сексуального напряжения, которое испытала сегодня.

И это сработало. Теперь я хотя бы дышала ровнее.

Вернувшись в дом, я приняла душ, немного накрасилась, высушила волосы и стала перебирать свою одежду в поисках спортивных штанов и майки.

Но потом обнаружила в ящиках кое-какую одежду Тэйта.

С улыбкой достав обрезанные джинсовые шорты, я натянула их. Они оказались удобными и в то же время чертовски симпатичными. Шорты были мешковатые, висели на бедрах, но

длина у них была в самый раз – не слишком короткие и не слишком длинные. Надев розовый топ на лямках, я посмотрела на себя в зеркало, задумавшись о том, что сейчас сказала бы мать. Она считала обрезанные шорты неопрятными, и, несмотря на то что Тэйт ей в целом нравилась, она всегда подчеркивала, что ее вкусы в музыке и одежде перенимать нельзя.

Но матери здесь не было, а если никто меня не увидит, тогда и беда невелика.

Остаток вечера я провела на полу в гостиной: ела макароны с сыром и корпела над бумагами, которые вручил мне директор Мастерс. Хотя он предоставил в мое распоряжение учебные планы, я напечатала на своем ноутбуке более понятные инструкции, добавив парочку заданий по ведению дневников – кое-что, что нравилось делать мне самой.

Занятия будут проходить с понедельника по четверг, с 8.15 до 12.00, и завершатся в середине июля. Тогда мои сто часов общественных работ подойдут к концу, и остаток лета я буду свободна.

Я поняла, что добрых пять минут смотрю на одно и то же предложение, и наконец запрокинула голову и закрыла глаза. Как же меня бесил шум за окном.

Бурная вечеринка в соседнем доме началась пару часов назад. Сначала снаружи доносился приглушенный гул, но теперь это была гремучая смесь хохота, визгов, громоподобного рева подъезжавших и отъезжавших автомобилей и постоянных взрывов музыки, из-за которых создавалось впечатление, будто под домом Тэйт рвались бомбы. Сжав зубы, я проворчала себе под нос:

– Поверить не могу, что никто из соседей еще не вызвал полицию.

Встав с ковра, я подошла к окнам столовой, чтобы взглянуть, что там происходит, как вдруг раздался стук в дверь.

– Джульетта! – нараспев произнес знакомый голос. – Но что за проблеск света в том окне?

Мое сердце встрепенулось от этих слов. Направившись к входной двери, я с улыбкой отозвалась:

– Ромео, Ромео! Ах, зачем же ты, Ромео?

Распахнув дверь, я схватила за руку свою кузину Шейн и позволила ей обнять себя, а затем запрокинуть назад, так что моя спина выгнулась, а волосы коснулись пола.

Она крепко прижала меня.

– Тебе нужно подстричь волосы в носу, сис.

Я подняла голову:

– У тебя изо рта пахнет, как от трупака.

Она помогла мне вернуться в вертикальное положение и, чмокнув в щеку, прошагала мимо в гостиную.

– Как ты? – спросила она так, словно мы виделись недавно, а не целый год назад.

– Превосходно. А ты?

– Все можно поправить парой рюмок или пулей в голову.

Я в нерешительности проследила за тем, как она рухнула в кресло и приняла расслабленную позу. С тех пор как я уехала учиться, виделись мы с ней редко, однако созванивались минимум раз в неделю, и со временем ее шутки напрягали меня все больше. Она регулярно отпускала подобные фразочки.

Шейн была моей двоюродной сестрой, а так как у родителей мы были единственными детьми, то всю жизнь общались довольно близко. Мне нравилась ее манера изъясняться и непринужденное чувство юмора, но я подозревала, что ей до боли хочется сбежать из дома и расправить крылышки.

– Поосторожнее, – предупредила я. – А то я всерьез могу начать беспокоиться о ком-то еще, кроме себя.

– Это будет что-то новенькое, – подколола меня она, сложив руки на животе. – Значит... у тебя правда все в порядке, Джульетта?

Она была единственной, кто называл меня моим настоящим именем – Джульетта Эдриан Картер. Все остальные звали меня Кейси.

– Все в порядке, – кивнула я, усаживаясь обратно на пол так, что ноутбук оказался между моих разведенных в стороны ног. – А ты как?

– Теперь лучше – ты ведь вернулась.

Шейн в этом году окончила школу и осенью должна была уехать в Калифорнию. Но даже там свободы ей не видать. Родители согласились оплачивать ее обучение в другом штате лишь с условием, что она будет жить в Сан-Франциско, у бабушки по отцовской линии.

Шейн не сильно обрадовалась такой перспективе, но и сопротивляться не стала. Мне казалось, сестре нравилось в Шелберн-Фоллз – здесь у нее было много друзей, – но при этом ей все же хотелось оказаться там, где афроамериканцы составляли больше десяти процентов населения.

Ее отец был чернокожим. Он любил этот город, и, насколько я могла судить, тут ему было вполне комфортно, но Шейн хотела богатой культурной жизни.

Она откашлялась и подалась вперед, положив локти на колени.

– Что ты делаешь? – Этот вопрос прозвучал как упрек.

Я посмотрела в ее изумительные карие глаза.

– Готовлюсь к работе. Мне предстоит заниматься с ребятами, которые идут в выпускной класс.

– Да, слышала. – Она по-прежнему смотрела на меня с озадаченным видом. – Я имею в виду, какого черта ты отсиживаешься в этом доме сейчас, когда впервые в жизни никто – ни Лиам, ни чертова Сандра Картер – не держит тебя на поводке?

– Ты знаешь, что я тебя люблю, – начала я, – но это чудесный, спокойный дом, и наверху у меня есть вибратор. Мне хорошо, – отшутилась я. – Кроме того, ты правда считаешь, что мне стоит нажить себе еще больше проблем, Шейн?

– Тебе не придется далеко ходить. – В ее дразнящем голосе послышались сексуальные нотки. – Разве от твоего внимания ускользнул тот факт, что по соседству началась вечеринка?

Ага. Теперь я все поняла. Я обвела взглядом ее наряд: черную мини-юбку в обтяжку и белый топ на лямках. Однако, в отличие от моей майки, ее топ был украшен блестками: они обрамляли вырез и одной длинной полоской спускались от центра вниз. С ее кожей цвета кофе с молоком, темными выпрямленными волосами, спадавшими ниже лопаток, и бесконечно длинными ногами она была потрясающе красива.

Я подумала, обращал ли Джекс на нее внимание, но тут же выбросила эту мысль из головы. Какая мне разница?

– Нет, это не ускользнуло от меня, – пробормотала я. – Вообще-то, весь дом сотрясается от грохота музыки.

– Лично я туда иду. И ты тоже.

– Ну уж нет, – я горько усмехнулась и, развернув пластинку мятной жвачки, отправила в рот. – От Джекса – одни неприятности. Я совершенно не хочу к нему в гости.

– Неправда, хочешь. Все хотят. И абсолютно все девчонки находят с Джексом общий язык.

Я не смогла удержаться. Подняла глаза и косо посмотрела на нее. Но снова поспешно опустила взгляд. В памяти промелькнули картинки – Джекс и две девчонки, с которыми я застала его пару лет назад. Со сколькими он переспал с тех пор, и... Я скомкала обертку от жвачки в кулаке.

Почему он так на меня действовал? Джексон Трент был просто дерзким мальчишкой, которому еще в старших классах нравилось меня доставать, – но по какой-то причине мое проклятое тело реагировало на него сильнее, чем на бойфренда, с которым я встречалась пять

лет. Пока меня здесь не было, мне было плевать, чем занимается Джекс, но сейчас я, черт побери, не могла выкинуть это из головы.

О господи. Надеюсь, Шейн никогда с ним не спала.

Я едва не спросила.

– Ну уж нет, – проворчала я. – От Джекса ничего хорошего ждать не приходится. Он вообще куда-нибудь поступил?

– В Кларк, – быстро ответила она, и я моргнула.

Колледж Кларк?

Это было местное учебное заведение. Колледж находился достаточно близко отсюда, чтобы Джекс мог жить в Шелберн-Фоллз. Но при этом он был частным и имел высокий рейтинг учебных программ. От стыда мои щеки вспыхнули – а я-то предполагала, что Джекс вообще не создан для колледжа. Но оказалось, что он учился в гораздо более престижном учебном заведении, чем я.

– Так значит, он по-прежнему живет в соседнем доме вместе с Кэтрин? – решила поинтересоваться я.

– Нет, в прошлом году Кэтрин вышла замуж за отца Мэдока и переехала к нему. Она оставила дом Джексу по окончании школы.

Так значит теперь это был дом Джекса.

Я закрыла ноутбук.

– А что это за машины на улице?

Полные губы Шейн, покрашенные глянцево-красной помадой, растянулись в улыбке, обнажив идеальные белые зубы.

– Много изменилось, Джульетта.

– К чему такая загадочность? Что именно изменилось, черт побери?

Она пожала плечами, а потом откинулась назад и положила руки на подлокотники кресла.

– Сложно объяснить. Ты сама должна все увидеть. Мы идем на вечеринку, и ты оторвешься как следует.

Я покачала головой.

– Никто из нас никуда не идет. Я стараюсь избежать лишних проблем, а ты несовершеннолетняя, и тебе нельзя туда одной.

Ее глаза полыхнули огнем.

– О нет, – выдохнула она, прижав ладонь к груди. – Мне никак нельзя без спутника! – И с этими словами поднялась.

– Что ты делаешь? – спросила я, глядя на нее.

Она обошла кресло и направилась в сторону двери, ухмыляясь и по-прежнему не отнимая руки от груди.

– Без спутника я могу сделать какую-нибудь глупость, – продолжала она на ходу, – например, выпить сомнительный напиток с подмешанным в него гаммагидроксипропаном¹, приняв его из рук татуированного бывшего зэка, который хочет затащить меня наверх и познакомить с приятелями! – Она открыла переднюю дверь как раз в тот момент, когда я поднялась с пола, и крикнула: – Пока!

С этими словами сестра выбежала за дверь и захлопнула ее за собой.

– Шейн! – прорычала я и бросилась за ней.

Черт, черт, черт! Я распахнула дверь, метнулась на крыльцо и... *вот дерьмо!* Развернувшись, влетела обратно в дом и засунула ноги в свои черные вьетнамки, стоявшие у двери.

Снова распахнув дверь, выскочила на улицу, спрыгнула с крыльца, перелетев через все ступени, и приземлилась на дорожку из плитки.

¹ Так называемый наркотик «для изнасилования».

Ну и девчонка!

Шейн исчезла. Я повернулась влево, потом вправо, но ее блестящего белого топа нигде не заметила. Она уже была на вечеринке. Я пыталась отдышаться.

Восемнадцать. Без спутника. Единственный за долгое время человек, которого я могла бы назвать своей семьей. Все это были основательные причины для того, чтобы пойти туда и увести ее.

Я оценила свой внешний вид: небрежная и растрепанная, в мешковатой одежде, волосы в мелких завитушках – я не выпрямила их после душа – и почти без макияжа.

Ну и хорошо – так я хотя бы не привлеку к себе нежеланного внимания. Это уж точно.

Я решительно зашагала по газону, ощущая, как острые травинки царапают лодыжки. Солнце зашло час назад, но воздух был по-прежнему влажным и теплым. По спине, покрывшейся тонким слоем пота, пробежал холодок.

Длинная подъездная дорожка была уставлена автомобилями – в два ряда, по пять машин, – и проезжая часть тоже напоминала стихийную парковку. Большинство автомобилей я сегодня уже видела. Всевозможные марки и модели, одни – кричащих цветов и с аэрографией, другие – ухоженные, сдержанные, без рисунков на бортах.

Несколько машин стояло прямо посреди Фолл-Эвей-лейн, как будто жители соседних домов проезжей частью сегодня пользоваться не собирались.

Я заметила, что гараж, расположенный с другой стороны дома, расширили для трех машин. Дом был относительно недавно выкрашен белой краской, а ставни, которые прежде были темно-синими, теперь стали черными.

Я прислушалась, сразу же узнав только что начавшуюся песню, которую Ник частенько слушала в колледже.

Гости были повсюду; я поднялась на крыльцо и вошла в открытую дверь, стараясь не вспоминать последний раз, когда я здесь побывала.

И тут все мысли просто вылетели у меня из головы – я в изумлении уставилась на внутреннее убранство дома.

О боже. Вау.

Обновлен был не только фасад дома. Мой взгляд метался от пола к потолку, из стороны в сторону – я заметила новые смелые оттенки, благодаря которым интерьер стал казаться еще более современным. Ковер из гостиной убрали, открыв взору сверкающий деревянный пол. Все, что я видела, словно кричало, что здесь живет холостяк-любитель вечеринок.

Три огромных плазменных панели висели в ряд на стене в общей комнате, где по-прежнему стоял бильярдный стол. Мебель в гостиной заменили глубокими кожаными диванами, также дополнив обстановку плазменными панелями. А бросив взгляд в заднюю часть дома, я заметила, что и кухню обновили.

«Многое изменилось, Джульетта», – возник в моей памяти голос сестры.

Да, похоже, так и есть.

У Кэтрин Трент, которая теперь стала Кэтрин Карутерс, был вполне себе милый дом, но это... Я даже слов не могла подобрать.

Роскошно? Пафосно? Чувственно? Определенно.

Мне понравились красный цвет стен в гостиной, темно-синий – в общей комнате и стены цвета капучино в прихожей. Мне понравились снимки коренных американцев в различных головных уборах и украшениях. В черных рамках, они висели на стенах вдоль лестницы, ведущей на второй этаж.

И хотя черные кожаные диваны обычно вызывали у меня отвращение, те, что стояли в гостиной этого дома, дешевыми не выглядели. Они были глубокими, шикарными, дорогими на вид. Все вокруг выглядело ухоженным и опрятным.

– Кейси?

Я резко обернулась и увидела Лиама.
И проглотила чертову жвачку.

Я поморщилась, даже не пытаясь притворяться. При виде его невинных голубых глаз и вежливой мины у меня внезапно появилось дикое желание ударить его по лицу. Да что же это со мной такое?!

Он стоял в дверном проеме, держа за руку ту самую рыжеволосую девушку, с которой я застукала его в клубе на прошлой неделе. На ней было черное платье без бретелей, а пышные волосы сексуально спадали на плечи.

Чудесно. А я сегодня решила забить на свой внешний вид.

Я покачала головой при мысли, в какой ироничной ситуации оказалась.

Когда Лиам изменил мне в старших классах школы, я приняла его обратно. Сдуру. У меня тогда было такое чувство, словно я сама сделала что-то не так – оттолкнула его чем-то, – а он, казалось, искренне сожалел о содеянном. Я видела, как Джаред прежде обращался с Тэйт, и, если честно, была рада, что мой парень дарит мне цветы, когда я болею, и готов мириться с поведением моей матери.

Но когда пару недель назад я снова застала его с другой девушкой, то поняла, что с меня хватит.

– Лиам, – вздохнула я, стараясь принять скучающий вид. – Джекс вроде как терпеть тебя не может? Зачем ты здесь?

У него вытянулась физиономия, и я впервые порадовалась тому, что Джекс презирает Лиама. Хотя тем самым я как бы заявляла о том, что против меня Джекс ничего не имеет, а ведь это могло оказаться совсем не так.

– Все здесь, Кейси. – Лиам засунул другую свою руку в карман. – Это, кстати, Меган.

– Дам тебе знать, когда мне будет не все равно, – буркнула я.

Проигнорировав мои слова, он продолжил:

– Я привез ее сюда, чтобы познакомить с родителями.

Пофиг.

– Мы собираемся жить вместе, Кейси.

Мои проклятые колени едва не подогнулись. Я издала нервный смешок:

– Ты шутишь, верно?

Меган выгнула бровь, явно недовольная тем, что ей приходится мириться с моим присутствием, а Лиам полуприкрыл глаза, всем своим видом показывая, что смеяться тут не над чем.

Я выпрямилась.

– Ух ты. Сочувствую.

– Прости, что? – огрызнулась Меган.

– Я говорю, я заранее тебе сочувствую. Ведь он и тебе когда-нибудь изменит, – пояснила я. – Или ты всерьез считаешь, что он этого не сделает?

Она самодовольно улыбнулась, словно ей было известно что-то, о чем я и не подозревала. Я сомкнула руки в замок за спиной, коснувшись пальцем своего шрама.

– Мужчины изменяют, когда неудовлетворены, – с издевкой произнесла она. – А ты, судя по тому, что я о тебе слышала, совсем его не удовлетворяла.

И она изобразила, как берет член в рот и начинает давиться.

Я онемело смотрела на Меган, краем глаза заметив, как Лиам бросил на нее похотливый взгляд. В ушах раздавался стук собственного сердца. Меган разглядывала меня с самодовольной усмешкой. Эта девка изображала меня. Лиам рассказал ей...

Нет.

Комната была полна народу, и, обхватив себя руками, я потеряла предплечья, пытаясь унять дрожь, пока щеки пылали от стыда.

Они продолжали глазеть на меня; пришел мой черед отвечать, но я держала рот на замке, тщетно размышляя о том, что мне теперь делать.

Однако мне нечего было предъявить. Я его не удовлетворяла, казалась ему жалкой.

Как мне поступить? Что говорить?

Вот Тэйт бы за словом в карман не полезла.

– Ты даже минет по-человечески не могла сделать, да? – поддела меня Меган.

Скажи что-нибудь!

Мои руки покрылись гусиной кожей – так мне было холодно, и я крепко зажмурилась.

Но затем спину вдруг обдало жаром. Я ахнула, и мои веки затрепетали от внезапного облегчения.

– Лиам, – раздался голос Джекса. Он обхватил меня руками за талию, и я ощутила успокаивающее тепло его кожи.

– Джекс, – пробормотал Лиам недружелюбно.

Я открыла глаза и увидела, как его взгляд мечется между мной и парнем, стоявшим у меня за спиной. По всей вероятности, он гадал, какого черта вообще происходит.

Блин, да я и сама не знала.

Опустив глаза, я увидела по-прежнему красивые руки Джекса, его сомкнутые на моем животе длинные пальцы, перепачканные машинным маслом. Я обхватила ладонями его предплечья, которые оказались гораздо мускулистее, чем тогда, когда я виделась с ним в последний раз.

Я понятия не имела, почему Джекс так поступил. Но прямо сейчас я уже не испытывала неловкости. Я была не одна и больше не чувствовала себя глупо.

Джекс воспринял мой жест как приглашение и притянул меня ближе к своей груди.

– Как дела? – спросил он у Лиама.

– Чудесно, – сказал тот, по-прежнему подозрительно глядя то на Джекса, то на меня. – А у тебя?

Я заметила, что Меган смотрит на Джекса, а на ее губах играет едва заметная улыбка.

– Чудесно, – равнодушным тоном ответил Джекс. – Но твоя новая девушка ведет себя паршиво, и меня это раздражает. Если она еще раз расстроит Кейси, ей придется уйти.

У меня вырвался беззвучный смешок, и я поднесла руку ко рту.

О господи!

Глаза Меган вспыхнули, а Лиам просто смотрел на Джекса, покачивая головой так, словно ему хотелось наброситься на него с кулаками.

Но ему хватило ума этого не делать. Ведь они были в гостях на вечеринке Джекса, и Лиам понимал, что, если дойдет до драки, здесь не окажется никого, кто займет его сторону.

Мое лицо залилось краской, и я опустила глаза, прекрасно понимая, что они выдают мое удовольствие от происходящего. Я не должна была наслаждаться тем, как какой-то парень защищает меня, пользуясь своим авторитетом. Я вообще не должна была ждать защиты. Нужно справляться самостоятельно. Но какого черта?

Лиам обвел нас взглядом, а потом схватил Меган за руку, развернулся и направился к выходу.

Когда они оба исчезли за дверью, Джекс медленно опустил руки, проведя ладонями по моим голым предплечьям, а потом и вовсе отстранился. Я ничего не могла с собой поделать, ощутив острое разочарование.

Мне снова стало холодно.

Я повернулась к нему, скрестив руки на груди и натянув привычную маску. И с трудом протолкнула внезапно вставший в чертовом горле комок размером с мяч для гольфа.

Черт.

Прежде мои глаза находились на уровне его шеи, но теперь мой взгляд упирался прямо Джексу в грудь. При виде его мощной груди и широких плеч я почувствовала себя очень-очень маленькой. Неудивительно, что минуту назад мне было так тепло. Он мог бы накрыть меня собой как одеялом.

И тут у меня в животе все затрепетало: я увидела, что он проколол соски.

Что ж, это определенно что-то новенькое.

В каждой соске было по штанге, и у меня внезапно возникло такое ощущение, словно я катаюсь на американских горках. Я нахмурилась. Мне же никогда не нравились проколотые соски!

Я намеренно напустила на себя сердитый вид, надеясь выглядеть убедительной, и наконец подняла взгляд.

Голубоглазый Аид изогнул бровь, и я тут же сдулась. Ни черта не изменилось. И в то же время изменилось все.

В мое отсутствие Джексон Трент превратился в мужчину.

Глава 3. Кейси

Только его волосы остались прежними. Темные, как черный кофе, но с роскошным отливом. Его лицо было, как раньше, гладким и чисто выбритым, но черты стали более угловатыми – рельефные скулы, прямой узкий нос и полные, скульптурные губы.

А прямые черные брови лишь подчеркивали необыкновенную голубизну глаз – таких глаз не было ни у одного человека на земле. Как драгоценные камни, они приковывали к себе внимание даже на расстоянии в полсотни метров.

Об этом я знала не понаслышке.

Было сложно не заглядываться на его обнаженный рельефный живот и стройную талию. Я отводила взгляд, хмурилась, быстро-быстро косилась на него, а потом снова смотрела в сторону. Его руки казались намного больше, чем при нашей прошлой встрече.

Он был просто огромный.

И девятнадцатилетний.

И сорвиголова.

И пугал меня.

Я насупилась как можно сильнее и снова посмотрела ему в глаза.

Его губы были тронуты улыбкой.

– Не беспокойся. Я знаю, – вздохнул он, не оставив мне шанса заговорить первой. – Ты независимая женщина, которая способна постоять за себя, бла-бла-бла и так далее, и тому подобное. Просто скажи «спасибо».

О!

Он подумал, что я злюсь из-за эпизода с Лиамом. Это вполне меня устраивало. Для пущего эффекта я изогнула насупленную бровь, так и не сказав «спасибо». Он улыбнулся – вероятно, его забавляла моя несговорчивость – и спросил:

– Ищешь свою сестру?

Я кивнула.

– Пошли. – Он взял меня за руку.

Его пальцы, все в машинном масле, переплелись с моими. Я крепко держалась за его руку, а уголки моего рта подернула еле заметная улыбка. Мне нравилась его рука на ощупь: шершавая, грязная, живая.

В моей жизни все всегда было чисто и аккуратно. Предметы одежды сочетались между собой. На ногтях безупречный маникюр. А самым серьезным решением, которое мне доводилось принимать, был выбор между серебристыми балетками и черными.

Сейчас же перепачканная рука Джексона Трента держала мою потную ладонь, и я задумалась о том, как прекрасно было бы ощутить эту грязь всей своей кожей.

Оглядевшись, я поняла, что на нас смотрят. Люди явно заметили, что Джекс ведет меня за руку, и озадаченно провожали нас взглядами. Несколько человек отреагировали удивленно, а еще несколько – в основном девицы – наморщили носы или отвернулись с раздосадованным видом.

Я жала его руку еще один, последний раз – мне вообще не хотелось ее отпускать, – а потом быстро выдернула ладонь. Джекс на секунду оглянулся, вероятно, чтобы убедиться, что я не сбежала.

– Это смешно, – ворчала я, следуя за ним через кухню. – Разве у дома нет максимальной вместимости, как, например, в ресторанах или лифтах?

Джекс проигнорировал мой вопрос, вероятно, сочтя его риторическим. Мы протиснулись сквозь толпу и отошли в сторону, чтобы пропустить трех парней, которые буквально ввалились в заднюю дверь дома.

– Шейн довольно часто заходит, – произнес Джекс. – Но не волнуйся. К ней никто не пристаёт.

– Даже ты? – иронично спросила я, выходя за ним на задний двор.

Пожалуйста, скажи, что ты не трахал мою сестру. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Он не остановился, только слегка повернул голову.

– Особенно я.

Я выдохнула, стараясь сохранить самообладание и собраться с мыслями. Но потом огляделась вокруг. Мне открылся умопомрачительный вид, и я застыла от удивления.

– Э-э, я... – *Это что, джакузи?* – Я пришла только, чтобы увести Шейн домой

– Я догадался.

Я не видела его лица, но поняла, что он кивнул. Его собранные в хвост волосы скользнули по спине вверх-вниз.

– Видишь? – Он повернулся и жестом показал куда-то за ворота. – Она в порядке.

Но я едва заметила свою сестру, которая, скрестив ноги, сидела на шезлонге, о чем-то увлеченно беседуя с другой девушкой.

– Какого черта? – вырвалось у меня.

Неудивительно, что мне казалось, будто дом Тэйт сотрясался до самого основания! Вечеринка перетекла на задний двор Тэйт.

– Кейси! – Шейн с хулиганским видом улыбнулась мне. Я заметила пластиковый стаканчик у нее в руке, но, честно говоря, думала я сейчас совершенно о другом.

Старого деревянного забора, который когда-то разделял дворы Джареда и Тэйт, больше не было.

На его месте стояла фантастически красивая стена из состаренного красного кирпича с небольшими сквозными отверстиями. Секции этой стены шириной примерно в метр разделялись кирпичными колоннами с фонарями наверху. Прежде, для того чтобы попасть в соседний двор, нужно было перемахнуть через старый неказистый деревянный забор, теперь же ты мог просто пройти через солидные деревянные ворота.

Таким образом два двора были объединены в один.

И, по всей видимости, Джекс сегодня решил воспользоваться территорией обоих участков. Как же я сразу не заметила нового забора, приехав сюда? И как, сидя над своими бумагами, не заметила, что вечеринка проходит буквально у меня под боком? И как Джекс, которому было всего девятнадцать, раздобыл всю эту выпивку? И откуда у него вообще были на это деньги?

Шейн уже опять болтала с той девчонкой, поэтому я решила на время оставить ее в покое, а сама пошла следом за Джексом на задний двор дома Тэйт, где на раскладном столике были разложены всевозможные автомобильные запчасти. Несколько человек сидели за столом, разглядывая механизмы и изучая их.

Я изумленно покачала головой и тихо спросила:

– Джекс, какого черта здесь творится?

Мне совсем не хотелось, чтобы мои слова прозвучали осуждающе. Просто я была обеспокоена. На все это требовались деньги. Много денег.

Я знала, что Джекс умен и талантлив, особенно в том, что касалось компьютеров, поэтому никогда не сомневалась, что себя он обеспечить способен. Однажды я случайно услышала его слова о том, что в интернете можно найти любые сведения о человеке. И ты можешь либо взять это под контроль, либо оставаться уязвимым.

А Джекс любил контроль, это было понятно сразу.

Он взял какую-то деталь с таким видом, словно вернулся к начатому, и спросил:

– Ты, вообще, о чем?

Он пытался увильнуть от ответа.

Джекс никогда меня ни во что не посвящал. Но я и не давала ему повода думать, что мне интересны он и его занятия. Я знала, что его отец сидит в тюрьме за жестокое обращение с ним, мать тоже где-то пропадает, а он большую часть жизни провел под контролем органов опеки. До тех самых пор, пока его сводный брат, Джаред, не начал принимать в происходящем самое активное участие.

Вскоре после этого мама Джареда усыновила Джекса, и с тех пор они жили одной семьей.

Однако теперь она снова вышла замуж и уехала из города, а Джекс, судя по всему, прекрасно справлялся своими силами.

Вокруг стола на садовых стульях сидели ребята, поэтому я подошла к нему поближе и тихо спросила:

– Дом отремонтирован. У тебя там тонна дорожкой электроники, а на улице стоят автомобили общей стоимостью около полумиллиона долларов. Кто, черт возьми, все эти люди?

На вечеринках, которые прежде устраивал его брат, было вполосину меньше гостей. Тусовки Джареда определенно были не столь впечатляющими, но намного приятнее, чем этот вот хаос.

Джекс швырнул деталь на стол и взял крестовую отвертку.

– Это машины моих друзей, не мои.

Я просто стояла и испытующе смотрела на него. Он поднял голову и, встретив мой взгляд, раздосадованно вздохнул.

– Ладно, пора разяснить тебе кое-что, Кейси. Друг – это прежде всего тот, с кем тебе нравится проводить время. Тот, к кому хорошо относишься, кому можешь доверять...

– Да пошел ты, – сказала я с презрительной усмешкой, снова складывая руки на груди.

– Ее арестовали, – хохотнула какая-то девушка в сторонке, – и она все равно задирает нос. *Какого черта?*

У меня перехватило дух. Народ вокруг отреагировал на ее слова смешками и фырканьем. Все знают?!

– Поступила жалоба на шум!

Я подскочила на месте, а обернувшись, увидела двух полицейских в форме, которые стояли у открытых ворот.

Разговоры тут же затихли; все подняли головы, разглядывая офицеров, одетых в черное.

Я проглотила ком, застрявший в горле, и почувствовала, как на лбу выступила испарина. Мы с Шейн не должны были находиться на вечеринке, где распивают алкоголь. Моя мать отречется от меня, если ей еще раз позвонят из полиции.

А может, они просто распустят всех по домам. Хм... мне бы такой вариант подошел. И Шейн будет в безопасности, и мне удастся избежать проблем.

– Привет, – поприветствовал их Джекс, а затем вернулся к своему занятию.

Прищурившись, я наблюдала за его длинными пальцами.

– Что ж, можете продолжать начатое. – Один из полицейских махнул рукой, хохотнув над собственной шуткой, и все остальные, рассмеявшись вслед за ним, возобновили разговор.

– Эй, приятель. – Тот же полицейский подошел к столу и пожал Джексу руку. – Я привез Тима, чтобы он посмотрел на «эво». – С этими словами он показал большим пальцем за спину на юного с виду офицера.

Джекс, дернув подбородком, только бросил:

– В гараже. Валяйте.

Полицейские направились к гаражу с таким видом, словно им безразличны и подростки, распивающие спиртное, и неправильно припаркованные автомобили, и жуткий шум, доносившийся из дома.

Я повернулась к Джексу, совершенно сбита с толку.

– Что, черт возьми, происходит?

«Многое изменилось, Джульетта».

Ага, в точку, подумала я. Джаред в свое время получил пару штрафов за шум во время вечеринок. Как Джексу удается этого избегать?

Он отложил работу и, наклонив голову набок, внимательно посмотрел на меня. Его изучающий взгляд скользнул по моему телу, по обтягивающей розовой майке и обрезанным шортам Тэйт. Внезапно застеснявшись, я заправила волосы за ухо и сунула руки в карманы.

И резко вдохнула, когда он протянул руку и высвободил прядь волос из-за моего уха.

– Было же идеально, – его голос прозвучал хрипло, как будто во рту у него пересохло.

Он удерживал мой взгляд, и, клянусь, я ловила кайф от одного его присутствия. Ох, лучше бы он не смотрел на меня. Лучше бы не прикасался ко мне. Лучше бы земля не уплывала у меня из-под ног всякий раз, когда он оказывался рядом.

Положив инструменты, он громко произнес:

– Народ, свалите на минуточку. Сходите налейте себе выпить.

Ребята как один отложили в сторону свои игрушки и поднялись со стульев, заскрежетав ножками по плитке. Я отыскала взглядом удаляющуюся Шейн и увидела, что она смотрит на меня, подняв брови и пряча улыбку.

Что все это значит?

Я тоже собралась уходить, но Джекс поймал меня за руку.

– Останься.

Затем он отпустил меня и, встав прямо передо мной, присел на стол.

– Помнишь нашу первую встречу? – Его бархатный голос напоминал шоколад. – Тогда я сказал тебе, что мне достаточно лет, чтобы перевернуть твой мир. Ты помнишь эти слова?

Я отвела взгляд. Да, я хорошо их помнила. Я столько раз прокручивала тот диалог в своей голове.

Я помнила, как тем вечером он пожирал меня взглядом. Как вызвался подвезти меня до дома. Как я, проигнорировав звонки Лиамы, уснула с мыслями об этом незнакомце, приехавшем в наш город. Той ночью мне было жарко, и я впервые в жизни спала обнаженной.

Он мягко улыбнулся, а затем опустил взгляд.

– Боже, я и впрямь хотел перевернуть твой мир, Кейси, – прошептал он и с этими словами посмотрел мне прямо в глаза. – Я так сильно хотел оказаться внутри тебя.

Нет.

Я отступила назад, но он поймал меня за руку.

Пожалуйста, не надо.

Он погладил мою руку большим пальцем, и по коже побежали мурашки. Мои веки задрожали. Его убаюкивающий голос, его прикосновение, его мягкость...

Я ощущала боль в груди – так яростно билось сердце.

– Я хотел заставить тебя кончить и навсегда стереть эту ухмылочку с твоего лица, – тихо произнес он. – Хотел прикоснуться к тебе языком, ощутить, какая ты влажная. Я хотел, чтобы ты была подо мной, мокрая от пота, чтобы ты извивалась и умоляла меня.

Я закрыла глаза – грудь сдавило. *Извивалась. Мокрая.* Все это не про меня. Я бы никогда не смогла доставить ему удовольствие.

Оттолкнувшись от стола и подступив ко мне вплотную, он продолжал:

– Когда-то я представлял, как прижму тебя к дверце шкафчика в школе, как проведу рукой вверх по внутренней поверхности твоего бедра, слушая твои стоны.

У меня задрожали и едва не подкосились ноги. Внизу живота потеплело. Он должен замолчать.

– Я хотел, чтобы ты целовала меня, – прошептал он, и его дыхание щекотало мой лоб. – Чтобы ты обвила меня ногами вокруг талии, села на меня верхом.

О боже.

– Господи, я хотел тебя, Кейси. Хотел испортить тебя. – Его губы оказались так близко к моему лицу, что я ощущала его влажное дыхание. – Хотел замарать тебя.

И вдруг он взял меня за запястье, и я ахнула. Прикосновение обожгло кожу, и у меня перехватило дыхание, когда он наклонился к моему лицу, почти коснувшись губ.

– Но потом я узнал тебя. – Его голос стал жестким и резким, а рука больно сжала мое запястье. – Ты жалкая и беспомощная. И я не знаю больше никого, кто так сильно не любил бы себя.

С этими словами он дернул вверх мою руку, развернув ее так, что стало видно пятисантиметровый шрам на внутренней поверхности запястья. Проведя по нему большим пальцем, он посмотрел на меня хмуро и с нескрываемым отвращением.

Слезы застилали глаза.

Он знал. Но откуда?

До боли стиснув зубы, я бросила на Джекса разъяренный взгляд и вырвала свою руку, попятившись назад и сглатывая слезы, полная решимости не подавать виду, как сильно меня задела его слова.

Я возвращалась домой той же дорогой, что и пришла сюда, быстро и не оглядываясь, подхватив по пути забытый кем-то стакан и вылив содержимое на колонку. Выходя из дома, я слышала, как она зашипела, а комнату наполнил статический шум.

Глава 4. Кейси

Сидя на следующее утро на кровати Тэйт, сложив руки на коленях, я водила пальцем по кривому шраму, который пересекал запястье по диагонали. Шрам был длинный и тонкий, но не бросался в глаза.

Трусливая и беспомощная. Я медленно покачала головой, ощутив, как на руку упала холодная слезинка.

Джексон Трент – просто говнюк.

Все думали, что раскусили меня. Джекс, Джаред, Мэдок, Лиам, моя мать... все.

Все, кроме Тэйт и Шейн. Они были моей настоящей семьей, потому что знали правду.

«Я не знаю больше никого, кому было бы настолько некомфортно в своем собственном теле».

Заправив длинную прядь волос за ухо, я шмыгнула носом. Насчет этого он прав. Воспоминания тут же охватили меня, словно все случилось вчера.

«Катерина, подойди сюда», – зовет отец. Он сидит у окна в синих пижамных штанах и халате.

Я кусаю ногти, испуганно поглядывая на мать. Но она даже не смотрит на меня. Почему она на меня не посмотрит?

Мне четыре года, и мне не говорят, что случилось, сколько бы я об этом ни спрашивала.

Я знаю лишь одно: мой папочка больше не может жить дома с нами. Его волосы растрепаны, и у него появилась борода, которой никогда прежде не было.

– Катерина. – Он машет мне рукой, хочет, чтобы я подошла.

– Папочка, я Джульетта, – бормочу я, но мать больно щиплет меня.

Мои губы дрожат, лицо сводит от боли. Я сделала что-то не так. Когда я делаю что-то плохое, она всегда щиплет меня, объясняя это тем, что на людях кричать неприлично.

Я вижу печаль на папином лице и опускаю руки, потому что хочу, чтобы он меня любил.

– Я просто шучу, – говорю я, улыбаясь как можно шире. – Я Катерина.

И бегу в папины объятия, купаюсь в его любви, и обнимаю его крепко, хоть он и думает, что я – это моя сестра.

Мне не хотелось это признавать, но засранец Джекс сказал правду. Я не была моей умершей сестрой, Катериной, и, что еще хуже, я уже не знала, кто, черт возьми, вообще такая эта Джульетта. Меня практически не существовало.

Я ела мороженое, которое нравилось Кейси, чтобы не разочаровать отца в его счастливых заблуждениях. Каждое воскресенье я была обязана надевать в церковь туфли Mary Janes – только потому, что их любила Кейси. Я терпеть не могла Mary Janes, но должна была их носить, поэтому заставила себя полюбить их. Кем я хотела стать, когда вырасту? Ох, погодите. Кем хотела быть Кейси? Ведь папочке нравилось говорить с ней об этом, а я не должна была его расстраивать.

Моя сестра, умерев, была возведена в ранг совершенства. Она никогда не грызла ногти, не устраивала истерик, не слушала плохую музыку. Она была красивой, идеальной и живой.

Этой ночью я почти не спала, поэтому сейчас бродила по дому в полудреме. Зайдя в ванную и сняв пижамные шорты и майку, я включила душ и забралась под воду. Отяжелевшие конечности едва меня слушались, я чувствовала себя абсолютно разбитой.

Жалкая и беспомощная.

Я запрокинула голову и задрожала, ощутив теплую воду на коже. На улице было жарко и влажно, и в доме сохранялась температура около 26 градусов: мне не хотелось, чтобы счета за электричество выросли, пока я живу здесь. Но даже несмотря на то, что я постоянно отирала пот со лба, сейчас мне хотелось согреться.

Я повернула кран, сделав воду горячее, и она стала даже слишком горячей, но мне было плевать. Теперь меня хотя бы не трясло от холода.

«...чтобы ты, мокрая от пота, извивалась и умоляла меня».

Я запрокинула голову, прислонившись затылком к стене душевой кабинки и закрыв глаза.

«Я хотел прикоснуться к тебе языком, ощутить, какая ты влажная».

Я прикусила нижнюю губу, почувствовав, как между ног разливается жар, а голова идет кругом.

Возможно, все дело было в температуре воды или в воспоминании о его горячем дыхании совсем рядом с моим лицом. От него пахло яблоками, грушами и дождем.

Это был запах лета. Как чье-то дыхание могло пахнуть летом?

«Когда-то я фантазировал о том, как припру тебя к дверце шкафа в школе...»

Я опустила руку и провела ладонью по внутренней поверхности бедра, не в силах сопротивляться желанию. Нужно было отдаться ему еще в школе, но я боялась, что он разрушит мою жизнь. Боялась, что запутает меня. И что же теперь стало со мной? Я ли это? Да, мне нужно было позволить ему трахнуть меня. Трахать меня по десять раз в день, когда бы он ни захотел, потому что тогда я по крайней мере снова стала бы Джульеттой, я почувствовала бы хоть что-то.

Я положила руку между ног и стала поглаживать себя средним пальцем, подаваясь бедрами навстречу.

О господи, как приятно. Я тяжело дышала, моя рука двигалась все быстрее.

Я была благодарна матери хотя бы за одну из ее инициатив.

За эпиляцию. Я решила удалять все волоски. Мне нравился результат, и я вдруг подумала о том, нравится ли такое Джексу. Мои пальцы касались гладкой кожи, и в животе нарастало напряжение.

Погрузив пальцы глубже, я подняла другую руку и сжала грудь, представляя, что это его руки гладят меня, а язык ласкает влагалище.

Черт. «Влагалище». Я никогда не употребляла таких слов, но Ник, напротив, постоянно использовала их в речи, и отчего-то сейчас это слово не казалось некстати.

Я простонала, вода пальцами вокруг клитора и чувствуя, как он пульсирует. Я хотела Джекса и представляла его.

Он продолжал касаться меня языком, и горячая струя воды оставляла на его теле сверкающие капли. Мне хотелось слизать их все.

Но сейчас он был занят мной. Его язык коснулся бедра, поднялся к животу; он начал вставать и обхватил ртом мою грудь. Затем, взяв меня за волосы сзади, посмотрел на меня сверху вниз и прошептал мне в губы: *«Я хочу, чтобы ты обвила меня ногами за талию и оседлала».*

– О боже, – выкрикнула я, все быстрее и быстрее поглаживая клитор. – Да.

Все мое тело пульсировало и горело огнем, и я хотела того, о чем никогда не мечтала с Лиамом. Оставив воду включенной, я вылезла из душа и поспешила в спальню. Вода лилась с меня на ковер. Рванув на себя ящик комода, я достала вибратор и, бросившись на кровать, легла на спину.

Разведя ноги в стороны, я включила вибратор на полную мощность, и он громко зажужжал. Проводя им вокруг клитора, я тяжело дышала – в животе все свело от наслаждения.

Твою мать!

Я начала ощущать, как волны удовольствия накатывают одна за другой. Мои веки затрепетали и закрылись, я выгнула спину, лежа на кровати. Я хотела больше, мне нужно было больше.

О господи.

Прижав вибратор к входу во влагалище, я прикусила нижнюю губу. Как же было хорошо.

– О, – простонала я, ощущая, как внутри все сотрясается и сжимается.

«Я хотел замарать тебя».

– Джекс. – Мой голос дрожал, я водила вибратором у входа во влагалище, не проникая внутрь, только дразня и массируя. Мои ноги тряслись от удовольствия, которое разрасталось внутри.

– О боже! – выкрикнула я, разведя ноги еще шире.

Все тело пылало, и я хотела этого больше всего на свете. Вибрации вызывали спазмы у меня в матке.

О боже. Быстрее, быстрее, быстрее...

Я выгнула спину, продолжая водить вибратором вверх и по кругу, все жестче и жестче массируя клитор.

– О боже. Твою мать! – выкрикнула я, содрогаясь и ловя ртом воздух. Циклон, начавшийся между ног, пробуравил насквозь все мое тело. – Да!

Я кончила, задыхаясь и издавая громкие стоны. Подняв руку, взяла себя за волосы и сжала их в кулаке.

Мои руки ныли от усталости, и я медленно открыла глаза, которые до сих пор были плотно зажмурены.

Господи. Я моргала, пытаюсь сфокусировать взгляд на белом потолке.

Что я сделала?

– Послушай, если в ближайшем будущем мы сможем поговорить, будет просто здорово! – произнесла Шейн голосом парня из фильма «Офисное пространство». Было утро понедельника, и она шла за мной следом по школьным коридорам.

– Зачем ты вообще здесь? – спросила я, и в моем вопросе слышалось нескрываемое раздражение. На часах было восемь. Сегодня мой первый день занятий, а у Шейн были летние каникулы и ни одной весомой причины находиться в школе.

– Я заступаю на пост нового капитана группы поддержки, – улынулась она и язвительно выгнула бровь. – Я буду появляться здесь очень часто.

Она произнесла эти слова почти с угрозой, и только теперь я наконец заметила шорты из спандекса и спортивный топ, которые были на Шейн.

Уф. *Черт, черт, черт, черт.* А я-то думала, что хотя бы в школе меня никто не будет допекать.

С той самой вечеринки в прошлый четверг Шейн доставала меня вопросом, что же произошло между мной и Джексом.

Без комментариев.

Я сосредоточенно готовилась к занятиям и проводила последние свободные деньки в тренажерном зале или загорая на заднем дворе, хотя там мне было не слишком уютно, так как с соседнего участка через кирпичную стену можно было легко наблюдать за мной. Вчера, когда Джекс вышел во двор и увидел, что его дружки мешают мне загорать, он сразу же загнал их в дом. Не сказать, чтобы Джекс из кожи вон лез ради моего комфорта, но я была благодарна ему за это усилие, хотя все равно поспешно поднялась и ушла со двора.

К счастью, это был единственный раз, когда я его видела. По утрам и среди ночи я слышала звук мотора его машины. Он приезжал и уезжал в странное время, но еще более стран-

ным было то, что он *постоянно* приезжал и уезжал куда-то. Этот парень почти не сидел на месте. Не успев оказаться дома, он тут же покидал его снова.

Я несколько дней подавляла в себе порыв подглядеть за ним из окна, избегала Шейн и не отвечала на сообщения Тэйт и моей соседки по комнате Ник.

– Послушай, – произнесла я, взявшись за ручку двери кабинета химии. – Прости, что не поговорила с тобой. Я нервничаю, понимаешь? – И это была правда. Я изо всех сил сжимала ремешок школьного портфеля Тэйт. – Дай мне пару дней, чтобы освоиться. Можем поужинать в среду вечером. Как тебе такая идея?

Шейн состроила недовольную гримаску, но я ничего не могла с собой поделать. Ужасные слова, которые Джекс сказал мне тем вечером, продолжали крутиться у меня в голове, словно неумолкающий шепот, а что еще хуже: на следующий день после той вечеринки я фантазировала о нем, мастурбируя.

Прямо сейчас долгая прогулка пешком в компании айпода казалась мне пределом мечтаний.

Мне действительно ни с кем не хотелось общаться.

– Ну ладно, – пробормотала Шейн, и мне немного полегчало. – Хочешь подвезу тебя домой? Я заканчиваю в одиннадцать. Могу подождать, – предложила она.

– Нет. – Я покачала головой и улыбнулась. – Мне нравится ходить пешком. – На самом деле я предвкушала эти прогулки.

Она ответила мне лукавой ухмылкой, и на ее лице отразилось любопытство.

– Но сейчас же такая жара.

– Мне нравится жара.

– Правда? – И, озорно сверкнув светло-кариими глазами, она ушла прочь.

Да, похоже, это и впрямь было странно. Вначале я думала, что, пожив в Финиксе, привыкну к высоким температурам, но в Шелберн-Фоллз жара была иная. Воздух, плотный и влажный, ощущался каждой порой кожи. Мне постоянно было некомфортно оттого, что подол коралловой юбки терся о ноги, а блузка липла к телу. На шее под волосами уже выступила испарина; я радовалась, что надела легкую белую блузку без рукавов, но сожалела, что не собрала волосы наверх. Перекинув их через плечо, я повернула ручку двери и вошла в класс.

И тут же застыла как вкопанная. Я не заходила в школьные классы уже два года, и запах, ударивший мне в нос, перенес меня в прошлое. Вся школа пахла одинаково. Баскетбольными мячами и цветной бумагой. Я вздохнула, внезапно почувствовав себя одиноко, но при этом как будто оказавшись дома. Сейчас у меня не было ничего, чем я обладала в старших классах: ни парня, ни лучшей подруги. Но именно здесь, в школе, я в последний раз чувствовала себя счастливой.

– Здравствуйте, мисс Пенли, – сказала я, стараясь не подавать вида, как сильно нервничаю.

– Кейси! – воскликнула учительница с широкой улыбкой. – Ты не представляешь, как я обрадовалась, узнав, что моей помощницей будешь ты.

Я кивнула и обвела взглядом почти пустую лабораторию. За партами сидели несколько человек – школьники или, возможно, кураторы, судя по тому, что перед ними лежали папки, похожие на мою.

Было непривычно видеть мисс Пенли в такой обстановке, ведь ее уроки – литературы и письменной речи – всегда проходили в обычных классах. В этом кабинете у меня ноги немели от страха, в то время как в классах мисс Пенли я чувствовала себя комфортно. Кабинет химии был самым моим нелюбимым местом, потому что я терпеть не могла естественные науки. К счастью, Тэйт помогала мне справиться с этими дисциплинами.

– Что ж, – я пожала плечами. – Надеюсь, что хоть чем-то смогу помочь.

Отмахнувшись, мисс Пенли заверила меня:

– Все будет отлично. Видишь, здесь я и еще три куратора. Поэтому мы и в лаборатории. Тут полно места.

Я кивнула.

Складывая папки на столе, мисс Пенли продолжала:

– К тебе за стол сядут четыре ученика. Сначала мы вспомним основы: поговорим о том, как объединять и упорядочивать мысли, разберем, что такое основная мысль сочинения и вспомогательный материал, а также обсудим, что представляет собой процесс внесения поправок. Большинству учеников нужно научиться формулировать главную мысль сочинения. У тебя есть их диагностические карты. – Она ненадолго замолчала, глядя на меня, а потом добавила: – Когда мы разделимся на группы, каждый ученик самостоятельно выберет какой-нибудь параграф из своего сочинения, а потом вы попробуете его вместе отредактировать. Сегодня они должны просто проанализировать свои тексты и сравнить их с работами других.

На первый взгляд все не так уж и сложно.

– Поняла.

Я еще раз обвела взглядом класс и заметила, что все остальные кураторы сидят по одному за партой, поэтому направилась к пустой парте и выложила вещи из сумки. Бросила взгляд на часы рядом с дверью – еще три часа пятьдесят минут, и я смогу уйти. У меня будут две сессии, каждая продолжительностью час сорок пять, и в каждой по четыре подопечных. Некоторые ребята приходили сюда не только ради сочинений, так что они будут переключаться на физику, английский или математику. А в качестве приятного бонуса у всех нас будет пятнадцатиминутный перерыв на перекус или Facebook.

Один из кураторов, окончивший школу в том же году, что и я, – его вроде звали Саймон, если я правильно помнила, – улыбнулся мне, и я кивнула в знак приветствия.

Наконец начали подтягиваться ученики – большинство явилось позже назначенных восьми пятнадцати. Пока они рассаживались, я разглядывала прибывших. Пара ребят показались мне знакомыми, но остальных я не знала. Когда у меня был выпускной, они только оканчивали девятый класс.

Неужели я тоже выглядела такой юной два года назад? Неужели так же сильно красилась?

Мисс Пенли начала занятие, демонстрируя на школьном кинопроекторе примеры безупречных работ, но я заметила, что почти никто ее не слушает.

Ей, наверное, было непросто. Некоторые из ребят выказывали полнейшее безразличие к тому, что она говорила: украдкой играли на телефонах под столом, перешептывались друг с другом, игнорируя учительницу, что-то рисовали в тетрадях.

Я вспомнила, что вела себя точно так же на уроках естествознания в старших классах. И не потому, что мне было все равно. Нет, я просто устала от борьбы и перестала стараться. Усваивала необходимый минимум и не более.

Теперь я жалела о том, что не приложила больше усилий. Возможно, если бы тогда я расширила круг своих интересов, то поняла бы, чем хочу заниматься в жизни. А теперь выбор у меня был весьма ограниченный. Кроме того, я уже два года отучилась в колледже, на факультете политологии, и не могла вот так запросто все бросить.

Мне хотелось, чтобы эти ребята поняли, что образование дает им возможность выбора. Сейчас им никак нельзя терять время.

Мисс Пенли закончила лекцию, а потом разбила учеников на группы, отправив к кураторам. Я осталась сидеть на месте, положив локти на стол. Когда к моей парте подошли один парень и три девушки, я выдавила из себя непринужденную улыбку.

– Привет, я Кейси.

Парень поднял вверх указательный палец и, не глядя мне в глаза, произнес:

– Джейк.

Затем спрятал лицо в ладонях и довольно громко зевнул.

Джейк, вероятно, под кайфом.

Я посмотрела на трех девушек, севших напротив меня. Одну из них я знала: младшая сестра моей приятельницы из старших классов, с которой мы больше не общались. Две другие были мне не знакомы, однако все трое смотрели на меня с пренебрежением.

Но мне это было безразлично. Уж с ними-то я точно справиться могла.

И теперь не сводила с них взгляда, вопросительно выгнув бровь.

Темноволосая девчонка наконец заговорила:

– Я Ана. Это Криста и Сидни.

Сидни я знала. Ее сестра была очень милой. Сама же Сидни выглядела как настоящая стерва. У нее были выразительные карие глаза и длинные рыжие волосы, разделенные на пробор сбоку и спадавшие на спину и грудь объемными локонами. Ее макияж и маникюр были безупречными.

Ана обладала азиатской внешностью и была очень красива: с бледной кожей, блестящими черными волосами и темными глазами.

У Кристи был короткий и резко очерченный светлый боб. Несмотря на то что она в этой компании казалась самой тихой, меня было не обмануть – я знала Тэйт и понимала, что такие тихони, как она, обычно проявляют себя позже.

Все девушки были одеты одинаково. Шорты и майки на лямках.

Я спокойно улыбнулась:

– Рада знакомству.

Я достала их работы – сочинения, которые они написали в конце учебного года, а также наброски и черновики, – и раздала им.

– Итак, каждый из вас сейчас выберет один абзац, и мы обсудим, как его можно доработать. Кто желает начать?

Не вызвался никто. Джейк сидел рядом со мной с таким видом, словно вот-вот уснет. Ана отвела взгляд, а Криста и Сидни ухмылялись, словно бросая мне вызов.

– Желających нет? – спросила я, сдержав улыбку. Когда я училась в школе, на наших уроках тоже никто не вызвался. Теперь я понимала, что значит быть учителем.

Я подняла руки вверх.

– Если кто-нибудь даст мне свою работу, я сама зачитаю текст.

Джейк, по-прежнему не глядя на меня, сунул мне бумаги чуть ли не в лицо.

– Спасибо, Джейк. – Я почувствовала облегчение, прочистила горло и стала читать вслух: «Что вы будете делать, когда проголодаетесь? Заедете в кафе или заскочите в магазин. Но восьмистам сорока двум миллионам человек достать еду не так-то просто».

Я снова откашлялась, а девочки, сидевшие напротив, захихикали.

– Что ж, неплохое начало, – кивнула я, стараясь говорить мягко и глядя на Джейка, хотя сам он на меня не смотрел. – Задать вопрос сразу же – достойный способ завладеть вниманием читателя. И мне нравится твой голос.

– Он же почти ничего не сказал за все время, – пошутила Сидни. – Как тебе может нравиться его голос?

– Я имею в виду стиль изложения, – объяснила я так, будто она не понимала. – Выражения вроде «заскочить в магазин», в то время как большинство сказал бы «зайти в магазин» или «заехать в магазин». Это и есть его индивидуальный стиль, голос, который придает повествованию естественность.

Боковым зрением я заметила, что Джейк смотрит на меня. Я повернулась к нему, стараясь быть как можно деликатнее. Честно говоря, работа ему предстояла серьезная. Он использовал довольно скучную лексику, вставлял прилагательные там, где лучше было бы употребить наречие, что отражалось на стилистике.

Но я не собиралась вываливать на него все это прямо сегодня.

– Однако я вот что могу отметить. Ты привел статистические данные, не сославшись на источник. Читатели не знают, откуда ты взял эту информацию. Они не будут доверять тебе, если ты не укажешь сайт, статью или текст, на который ссылаешься.

– «На который ссылаешься», – передразнила меня Сидни.

Я жала бумагу в руке и, обращаясь непосредственно к ней, спросила:

– В чем проблема?

Она закатила глаза и что-то прошептала Кристе.

– Во-вторых, – попыталась продолжить я, – здесь присутствует пассивный я-язык.

Я запнулась, заметив, что Криста хихикает в ладошку, а Сидни украдкой бросает на меня взгляды.

– Ты мог бы придать тексту остроты, – продолжала я говорить с Джейком, – написав... – И тут все три девчонки засмеялись хором.

– Что происходит? – Я старалась не повышать голоса.

Девочки опустили руки на парту и поджали губы, сдерживая смех. Криста издала полный сочувствия вздох.

– Я просто не совсем понимаю, почему нашим куратором сделали человека, попавшего под арест.

Мать тв...

Я сощурила глаза и выпрямилась. Откуда, черт побери, все об этом знали? Моя мать определенно не стала бы никому рассказывать. И директор Мастерс ни за что бы не проговорился. Так какого черта?

– Все в порядке? – мисс Пенли, ходившая по кабинету, остановилась рядом с нашим столом.

Я выдохнула и продолжила объяснять Джейку:

– Как вариант можно написать: «Для восьмисот сорока двух миллионов человек, живущих на земле, голод представляет собой более серьезную проблему». Видишь, мы стараемся употреблять другие глаголы, чтобы предложение звучало лучше. Понятно?

Пенли перешла к другому столу, и я сердито посмотрела на девочек, которые сосредоточились на том, что происходило за окном.

– Наверное, – Джейк пожал плечами. – Так значит, мне нужно переписать всю эту шнягу?

Я с улыбкой покачала головой:

– Не сегодня.

– О боже! – Криста буквально прыгнула со стула и, облокотившись на подоконник, выглянула в окно. – Он снял футболку! – истерическим шепотом сообщила она подругам.

Они тоже повскакивали с мест, причем Ана чуть не упала, и, хихикая, бросились к окну.

Я покачала головой, не без любопытства наблюдая за ними. Сказать по правде, порой мне тоже хотелось по кому-нибудь вот так сохнуть.

Повернувшись к подругам, Сидни сообщила:

– Сестра говорит, что без штанов он еще лучше.

Одна из ее подружек начала подпрыгивать на месте, а другая издала звук, похожий на всхлип.

Мне стало интересно, на кого они смотрят, а потом я вспомнила, что директор Мастерс что-то говорил о ежедневных тренировках школьной команды по лакроссу.

Подойдя к окну, я встала рядом с девчонками и выглянула на улицу.

Мои плечи опустились, и я охнула. *Че-е-ерт*. Сердцу внезапно стало тесно в груди. По полю бегал полуголый Джексон Трент, а остальные ребята дурачились рядом с ним, попивая воду из бутылок.

– Боже, он такой горячий, – прошептала Ана, приглаживая волосы, словно Джекс мог ее увидеть. Мне захотелось схватить ее за шиворот и усадить обратно за парту. Послушай, девочка, он же не подонок!

Но я подавила в себе это желание. Глядя в окно, я видела, как Джекс опустился на траву. Капельки пота поблескивали у него на груди. Волосы были влажными, и в этих длинных черных шортах он смотрелся как настоящий атлет. Я вовремя захлопнула рот – у меня едва не вырвался стон.

Он сидел улыбаясь и болтая с одним из членов своей команды, и мне нравилось, что даже отсюда я так ясно видела его умопомрачительные голубые глаза.

Затем он растянулся на траве, похоже, даже не подозревая, что три школьницы во всю пялятся на него из окна.

– Девочки, – выдавила я. Во рту у меня пересохло. – Нам пора возвращаться к занятию. Вы здесь не просто так. А я здесь для того, чтобы вам помочь.

С этими словами я указала на наш стол, призывая их занять свои места.

Но Сидни даже не пошевелилась.

– Нет, ты здесь потому, что тоже облажалась, – заявила она. – Мы идем в туалет.

И мне оставалось лишь смотреть, как все трое подхватили сумочки и вышли из кабинета.

Нахмурившись, я взглянула на часы. Оставалось еще целых три часа.

К счастью, вторая сессия прошла более гладко. После того как Джейк и девчонки ушли, ко мне за стол сели три парня, и я сразу же расслабилась, заметив, что с парнями куда проще. Мужчины просто делают то, чего ты от них хочешь, лишь бы ты отстала. Никаких тебе споров, никакого ехидства и трепа. За исключением легкого флирта, единственной проблемой было полное отсутствие интереса к учебе.

Это лето будет невыносимо длинным.

В полдень все ученики разошлись, отправившись наслаждаться остатком летнего дня, а я наконец достала телефон из сумки.

Четыре сообщения. Нет, пять.

Тэйт: «Джекс зол на тебя! Ты угробила его колонки? ЛОЛ!»

Чудесно. Когда-то, чтобы сорвать одну из вечеринок Джаред, Тэйт отрубила ему электричество. Помнится, тогда я устроила ей настоящий разнос. Теперь моя очередь выслушивать.

Еще одно сообщение от Тэйта: «Выше нос. Джаред позвонит тебе, когда у него будет минутка. Ему нужно кое о чем тебя спросить».

Э-э-э... ладно.

Ник: «Тут скучно. Ужа-а-асно скучно. Где ты?»

Я хохотнула себе под нос. Мне не хватало моей подружки. Я уже собиралась набрать ей, но решила сначала дочитать оставшиеся сообщения.

Мама: «Пообедаем на этой неделе? Позвони мне вечером».

Пообедаем? Я взяла свою сумку, перекинула ее через плечо и вышла из кабинета, уставившись на экран телефона. Зачем мать хотела пообедать?

Когда я попала в беду, она и пальцем не пошевелила, чтобы помочь мне. Позвонила только для того, чтобы сообщить, что я не смогу жить дома, пока не выполню предписание суда. Тогда я почувствовала себя одинокой и брошенной.

Меньше всего на свете мне хотелось звонить ей.

Прочитав последнее сообщение, я как вкопанная остановилась посреди коридора.

Лиам: «Вчера вечером на меня накинулся Джекс. Держи своего нового друга подальше от меня, не то я обращусь в полицию!»

Что?

От изумления я застыла посреди пустого коридора. Вероятно, вид у меня был озадаченный. Подняв руку, я перечитала текст сообщения.

Джекс накинулся на Лиам?

Почему? И почему Лиам пожаловался мне?

Сжав телефон в кулаке, я покачала головой. Неважно. Это их проблемы, а не мои.

Если Джекс хочет вести себя как ребенок, это его дело. Если Лиам хочет, чтобы полицейские рассмеялись ему в лицо, ведь Джекс явно имеет на них влияние, пусть будет так.

Швырнув телефон в сумку, я достала айпод и включила песню *Cruel Summer* в исполнении группы *Vanapapa*. Затем сбежала вниз по лестнице и быстрым шагом прошла по коридору к заднему выходу. Оттуда можно было быстрее дойти до дома Тэйт, а так как я была на взводе, то решила, что вернусь домой, переоденусь и постараюсь успеть на тренировку по кикбоксингу в час дня.

Однако, посмотрев в дальний конец коридора, я остановилась и вытащила наушники из ушей. Кто-то спешил скрыться за одной из дверей.

– Скорее, скорей! – эти слова были сказаны шепотом, но шепотом настолько громким, что я услышала их за несколько десятков метров.

И несмотря на то, что видела я лишь размытые силуэты в шортах и топах, я все же узнала девчонок.

Криста, Сидни и Ана.

– Эй, все в порядке? – я подошла к закрытой двери, за которой только что исчезла Сидни, и увидела табличку с надписью «Спортивный зал».

Ана и Криста развернулись и уставились на меня широко открытыми глазами. Их щеки залились краской, оттого что их застали врасплох.

– Я не учитель. Расслабьтесь, – улыбнулась я.

Они поджали губы, пряча улыбки и украдкой поглядывая друг на друга.

– Где Сидни? – осведомилась я, прекрасно зная, что она скрылась за этой дверью.

На табличке не было упоминаний о том, что представительницам слабого пола вход воспрещен, но я-то знала, что занятия окончены. Девочки не должны были слоняться по школе.

– Она... – начала Криста, но Ана толкнула ее локтем.

– Она?... – поднажала я.

Обе молчали. Я развернулась, сделав вид, что ухожу.

– Думаю, мисс Пенли еще здесь...

– Сидни в качалке, – выпалила Ана.

Я снова повернулась к ним, прищурившись.

– И чем же она там занимается?

Девчонки ухмылялись, не глядя мне в глаза.

– Джексоном Трентом, – наконец невозмутимо произнесла Криста.

Я застыла. Выражение моего лица стало твердым как сталь.

– Идите на парковку, – скомандовала я. – Я сейчас отправлю ее к вам. – Увидев, что они не двигаются с места, прикрикнула: – Быстро!

Хихикая в ладошку, они развернулись и пошли по коридору в сторону главного выхода.

Я открыла дверь и зашагала по тускло освещенному, выстланному ковром коридору. Справа и слева от меня располагались двери в кабинеты. Бернс – тренер по футболу и по совместительству учитель истории. Макнэлли – тренер женских команд по теннису и футболу, который вдобавок преподавал на курсах вождения. Здесь были еще какие-то кабинеты, но я сфокусировала взгляд на большой и тяжелой с виду деревянной двери впереди, на которой значилось «Тренажерный зал».

Я покачала головой, стараясь не обращать внимания на гулкое биение сердца в груди. Джекс же не мог заниматься там сексом с семнадцатилетней девчонкой? Он ведь не настолько глуп, верно?

А потом вспомнила двух девушек, с которыми видела его пару лет назад. И подумала о Лиаме и своих обманутых ожиданиях.

Внутри у меня все завязалось узлом. Я легонько толкнула дверь и сразу же заметила их обоих.

На расстоянии друг от друга и в одежде. *Слава богу.*

Я тихо выдохнула и опустила плечи. Не знаю, какого черта меня все это волновало, но...

Только не она. Не мог же он на нее запасть.

В оборудованном тренажерами зале не было никого, кроме Джекса и Сидни, а из магнитофона в углу доносилась композиция *Again* группы Alice in Chains. Песня была мне знакома лишь потому, что в ту пору, когда мы с Тэйт познакомились, она слушала только эту группу. Два больших вентилятора вращались в каждом из концов зала, поддерживая прохладу в помещении. Наша школа располагала системой центрального кондиционирования воздуха, но в это время года здесь все равно было очень душно.

Джекс лежал на спине на черной гимнастической скамье с гантелями в руках. Он разводил руки в стороны, а затем сводил их вместе и выпрямлял над телом. Я видела, как работают мышцы его гладких загорелых рук, живота, плеч и груди.

И мне хотелось, чтобы Сидни немедленно отсюда убралась.

На нем по-прежнему были черные шорты до колен, и его ноги были разведены, а ступни уперты в пол по обеим сторонам от скамьи. В голове тут же возникла картинка, как я оседлала его прямо на этой скамье.

На долю секунды я закрыла глаза. *Черт, какая же я извращенка.* Я поспешно слотнула слюну.

– Тебе нравилась моя сестра, – говорила ему Сидни, по-прежнему стоя спиной ко мне.

– Твоя сестра классная, – отрывисто произнес Джекс.

– Но недостаточно классная для того, чтобы захотеть продолжения, – пропела Сидни томным голоском, подходя ближе к скамье. – Может, я буду лучше нее?

– Бог ты мой, – проворчал Джекс на выдохе.

Бросив гантели на пол, он сел и отер ладонью пот со лба, а потом провел ею по волосам, тяжело дыша.

Джекс был зол. Пусть я и не очень хорошо его знала, но это определить могла. Когда он злился, всегда проводил рукой по волосам. Это был сигнал.

– Сидни, – позвала я, и они оба повернули головы в мою сторону. – Твои подружки ждут тебя на парковке. До встречи завтра.

Сидни помешкала, вероятно, пытаясь придумать, как ей выйти из этой ситуации победительницей. Джекс замер, глядя на меня из-под своих пугающе черных бровей.

Наконец Сидни покинула зал. Проходя мимо, она едва не задела меня плечом, и я явственно ощутила исходившую от нее злость. Завтра мне придется за это заплатить.

Вскинув голову, я бросила на Джекса удивленный взгляд.

Он покачал головой, подхватив полотенце с пола.

– Не надо на меня так смотреть. Я ее сюда не звал.

– Мне до этого дела нет. – Я пыталась говорить равнодушным тоном, чтобы не выдать своих истинных чувств. – Добрая половина женщин этого города видела тебя обнаженным.

Джекс подошел к столу и взял бутылку с водой, а потом повернулся ко мне.

– Ты преувеличиваешь. – Это прозвучало скорее как предостережение, нежели как утверждение.

Запрокинув голову, он залпом выпил воду.

Откашлявшись, я спросила:

– Почему ты здесь, в школе? Не думала, что ты тренируешься в этой качалке.

Джекс поставил бутылку на стол и продолжал стоять не шевелясь. Интересно, он вообще собирается отвечать на мой вопрос?

– Помогаю тренеру по лакроссу.

Хм. Что ж, круто. Я бы не подумала, что он может вызваться помогать, хотя почему бы и нет? Он занимался лакроссом в старших классах, и несмотря на всю его самоуверенность, был еще отзывчивым. Джекс был великодушен. Бескорыстно жертвовал своим временем. Бескорыстно помогал друзьям.

Но вот же засада. Я раздосадованно вздохнула. Джекс частенько будет в школе этим летом. *Черт.*

Домой. Айпод. Беги отсюда. Предвкушая прогулку до дома, я развернулась к выходу, но внезапно кое о чем вспомнила:

– Кстати, Лиам мне написал.

– Он тебе написал? – переспросил Джекс с усмешкой. – Похоже, он не из тех, кто прислушивается к добрым советам?

– Ты просил его не общаться со мной? – Я скрестила руки на груди. – Я и сама могу с ним разобраться, если что. И, кстати, раньше он мне не писал. А теперь пишет благодаря тебе, так что просто не лезь не в свое дело.

Я не на шутку разозлилась.

– Я сделал это не ради тебя, – невозмутимо произнес он, вытираясь белым полотенцем. – Лиам давно уже нарывался. Его нужно было поставить на место.

О, да какого вообще...

– Вот это самомнение! – заорала я. – Конечно, ведь у тебя откуда ни возьмись появились деньги. Где ты их берешь – мне даже думать страшно, – зачем-то добавила я, хотя мне следовало заткнуться. – И с городской полицией ты, похоже, на короткой ноге. И на «Петле» ты теперь, по всей видимости, главный. Мои поздравления, Джекс, – я улыбнулась широкой притворной улыбкой. – Ты самый влиятельный человек в Шелберн-Фоллз, штат Иллинойс!

Я уперла руки в бедра, крайне довольная тем, как хорошо мне теперь удастся ставить парней на место.

Но тут улыбка сошла с моего лица, а глаза округлились. Джекс прищурился – его взгляд сверкал вызовом и изумлением – и, швырнув полотенце на пол, направился ко мне.

Черт. Я должна была послушать мать. Мне нужно поменьше болтать.

Он кивнул – в уголке его рта играла ухмылка.

– Вот она.

Он подходил все ближе, и я отступила назад, к стене.

– О чем ты?

– Та язвительная девчонка, которую я впервые увидел несколько лет назад в доме у Мэдока.

Ага, та самая, которая была слегка навеселе и чересчур самоуверенна? Я уперлась затылком в стену – а значит, дальше отступать некуда. Капля пота скатилась по шее. Я увидела, как Джекс проследил за ней взглядом, и внезапно настолько отупела, что не смогла бы вспомнить даже собственное имя.

Господи, какой он огромный. От него исходил жар. Он стоял всего в паре сантиметров от меня, навис надо мной, целиком заполнив пространство вокруг меня. Ощущение было такое, словно я стояла в тени дерева.

Глядя прямо перед собой, я пыталась сохранять невозмутимый вид. Однако это было практически невозможно и совершенно бессмысленно. Джекс часто меня раздражал – в разговорах бросал мне вызов, давил на меня и абсолютно всегда делал то, что хотел, – но я бы никогда не поспорила с тем, что он умен. А еще он знал о том, как реагирует на него мое тело.

– Мне нравится, когда ты болтаешь невесть что, – прошептал он, глядя на меня сверху вниз. – От этого мне хочется заткнуть тебе рот.

Суккин сын. Я сжала бедра, мне почти хотелось кричать от досады – между ног было так влажно.

Нужно сваливать.

– Мне пора, – я оттолкнулась от стены, но наткнулась на его грудь.

– Как тебе твоя работа? Нравится? – спросил он тихо, уперев руки в стену по обе стороны от моей головы.

А?

От него пахло летом, липкой сахарной ватой на чертовом колесе, прохладной водой на разгоряченной коже.

– Что? – переспросила я.

Он задал мне вопрос. О чем он, мать его, спросил?

Опираясь на руки, он наклонился ко мне еще ближе, опустив голову к моему лицу.

– Общественная работа, Кейси. Тебе нравится?

Я слышала смех в его голосе. Вот же маленький говнюк.

– Нет, – пробормотала я. – Учить шайку подростков, которые сачковали весь учебный год, – не самое веселое времяпровождение. Им нужна была своевременная корректировка поведения, только и всего.

Его руки немного опустились, и я услышала, как он втягивает воздух носом, словно обнюхивает меня.

– Для начала: веселое времяпровождение – это именно то, из-за чего ты сюда угодила, – произнес он спокойно, но твердо. – И корректировка поведения нужна вовсе не этим ребятам, а тебе.

– Что ж, я свое получила, большое спасибо великому штату Аризона, – ухмыльнулась я. А потом посмотрела на него в упор. – Ты меня не знаешь, Джекс. – С этими словами я оттолкнула его, повернувшись к выходу.

Но он схватил меня за руку и поставил обратно.

– Ты права. Я тебя не знаю. Так почему бы тебе меня не просветить? Что означает твое имя – Кейси? И что ты натворила в колледже? За что тебя арестовали?

Увидев, что я молчу, не отвечая на его тупые вопросы, он снова припер меня к стене.

– Давай попробуем что-нибудь попроще, хорошо? Твой любимый цвет. Какой твой любимый цвет?

– Ты серьезно?

– Ты что, пытаешься выиграть время?

Я нахмурилась.

– Розовый. Мне нравится розовый.

– Правда? – продолжал напирать он. – А что насчет музыки? Какая твоя любимая группа? А книги? Твой любимый жанр? Когда ты в последний раз ела шоколад или валялась в пижаме до полудня?

Не знаю – то ли это стены начали смыкаться вокруг меня, то ли Джекс так меня притеснил.

– К чему ты клонишь, маленький засранец? – возмутилась я.

Услышав этот вызов с моей стороны, это пренебрежительное словечко в его адрес, Джекс улыбнулся и снова приблизился ко мне вплотную.

– Как насчет душа, Кейси? – Звук его низкого, хриплого голоса закружился у меня в животе и устремился ниже.

Сделав резкий вдох, я облизнула пересохшие губы.

– Что?

Он голодным взглядом уставился на мой рот.

– Маленькому засранцу – который уже не такой и маленький – нужно принять душ, – прошептал он, не сводя взгляда с моих губ. – Прими со мной душ. Прямо сейчас.

Я прижала ладони к холодной, покрытой белой краской бетонной стене, пытаясь остудить жар в груди. Какого черта ему нужно? Он же не хочет того, о чем просит?

Я выгнула бровь, пытаясь казаться спокойнее, чем была на самом деле.

– Ты назвал меня жалкой и беспомощной, Джекс. А теперь предлагаешь принять с тобой душ?

– Так докажи мне. – Его взгляд был искренним, серьезным, словно он искал что-то в моем лице. – Докажи, что ты не жалкая. Используй возможность. – Он прищурился, почти с мольбой глядя на меня, и я, похоже, проглотила собственное сердце, потому что все мое проклятое тело теперь пульсировало.

– Я серьезно, – тихо сказал он. – Команда разбежалась. Мы будем одни. Пойдем со мной в раздевалку. Пойдем в душ. Покажи мне, какая ты смелая.

Я силилась сказать «нет», но это слово просто застряло у меня в горле. Я хотела произнести его, но желала на самом деле совсем другого.

Джекс протянул руку вниз и, взяв меня за мизинец, покрутил его в пальцах. Опустив взгляд, продолжил едва слышным шепотом:

– Я не прикоснусь к тебе, если ты сама этого не захочешь. – А потом он поднял свои голубые глаза, ошеломив меня промелькнувшей в них грустью. – Тебе нужно только пойти, Кейси. И все. Я сниму с тебя одежду. Все, что тебе нужно, – пойти за мной. Я знаю, ты этого хочешь.

Я отвела взгляд. У меня было такое чувство, что мое лицо вот-вот треснет от напряжения, покроется тысячами трещин, как краска на фарфоровой кукле. Слезы навернулись на глазах.

Я и впрямь хотела пойти. Хотела, чтобы кто-нибудь обнимал меня, прикасался ко мне, хотела быть нужной кому-то.

Он приблизил ко мне свое лицо, и его дыхание обожгло мои губы.

– Давай же, решайся.

Я сжала руки в кулаки, потом распрямила пальцы и снова собрала их в кулак. Я хотела. Хотела прикоснуться к нему. Обнять его за шею. Взять его за руку и пойти туда, куда он поведет.

Но силы воли у меня не хватило бы даже для того, чтобы сдвинуться с места. Он посмеется надо мной. Он просто воспользуется мной, не увидит во мне ничего стоящего, что захотелось бы сохранить. Вскоре он возненавидит меня.

Заморгав, я посмотрела на него и покачала головой. Мне было все равно, что он увидит мои мокрые от слез глаза.

Джекс изучал мое лицо, и я не знала точно, что именно он чувствует – злость, разочарование или отвращение.

Наконец он опустил руки и выпрямился. Теплый кокон, в котором я оказалась благодаря близости его тела, растворился, и мне вдруг стало холодно.

– Ты себя боишься, – прямо сказал он. – Не меня.

А потом отступил, глядя на меня свысока.

– Вот поэтому я и назвал тебя жалкой, Кейси.

Жалкой. Я ослабилась, черт, как же я устала слышать это от него.

– Мне нужно в душ. – В его голосе не было ни следа прежней мягкости. – А тебе пора идти.

Развернувшись, он зашагал к мужской раздевалке.

Я не жалкая. Я не хочу быть жалкой.

Шмыгнув носом и расправив плечи, я выпалила:

– Может, я просто не хочу тебя. – Он повернулся с удивленным видом, и я напряглась всем телом. – Я просто не хочу тебя, Джекс.

Коротко усмехнувшись, я пошла к выходу.

Но не успела я взяться за ручку двери, как его рука обвила меня за талию и притянула к теплому телу. Я выдохнула – он перебросил мои волосы в сторону и прижался горячим ртом к моей шее.

Все разлетелось.

У меня подогнулись колени, закрылись глаза, а голова сама наклонилась набок, подставляя шею для поцелуя.

О. Мой. Бог.

Я ничего не соображала. Не могла отстраниться. Не могла его остановить. Его пылающий рот блуждал по шее, горячее дыхание обжигало кожу, которая и без того уже горела огнем. Он почти не шевелился – словно потерял над собой контроль, так же как и я. Словно все, о чем он мечтал, – прикоснуться ко мне. Он захватил мою кожу зубами, жестко, но не больно, а потом прильнул к чувствительному местечку под ухом. Я не могла точно сказать, целует он меня или собирается съесть.

Меня затрясло, и я прижала к себе его руку, которая лежала у меня на талии. Но мне необязательно было это делать. Он обхватил меня так крепко, что я никак не могла поглубже вдохнуть.

Я чувствовала его, и это было единственное, что меня волновало. Его член уперся мне в спину, и я подалась назад. Он оставлял короткие поцелуи на моей шее, у ее основания, под ухом. Его язык скользнул по мочке уха, а потом свободной рукой он взял меня за подбородок и развернул мое лицо к себе.

И накрыл мой рот своим. Я застонала. Возможно, это прозвучало так, словно мне больно, но я ничего не могла с собой поделать. Между ног у меня бушевал ураган, и я будто озверела.

Я как с цепи сорвалась.

Наши языки соприкоснулись, и я простонала ему в рот, вдыхая его запах, наслаждаясь ощущением его мощного тела. Он целовал меня, и я вбирала в себя жар, влагу, вкус.

Одной рукой он по-прежнему обнимал меня за талию, а другую запустил мне под юбку, прямо в трусики.

– О, – сдавленно простонала я прямо ему в рот, который не отрывался от моего до сих пор. Что он делает? Нужно положить этому конец!

Мои веки затрепетали, когда его пальцы погрузились в мое влажное лоно и закружились вокруг клитора.

И тогда его губы оторвались от моих; он рывком поднял меня с пола и прорычал мне в ухо:

– Вот так ты меня не хочешь, Кейси. – Его голос был резким, в нем слышалась угроза. – Жалкая, беспомощная и вдобавок лживая.

И с этими словами он просто отпустил меня, и я приземлилась пятой точкой на гимнастический мат, дрожа от замешательства и недоумения.

А затем услышала, как открывается и закрывается дверь за моей спиной, и тогда поняла, что осталась одна.

Я поднесла ко рту дрожащую руку и жадно вдохнула воздух.

Что, черт возьми, это было?!

Глава 5. Кейси

Всем телом я ощущала влажный липкий школьный воздух, с большим усилием пробираясь сквозь него, словно через тонкую влажную ткань, в учительскую.

Но мне это даже нравилось.

К тому же освещение в коридорах было тусклым, а дождь все сильнее стучал по крыше. Создавалось ощущение, словно в мире не было никого, кроме меня. Одиночество сейчас мне было просто необходимо.

Не только поцелуй Джекса в тот день задел меня за живое, но и его слова, которые я постоянно прокручивала в голове. Откуда он настолько хорошо меня знал? Он словно предвидел все аргументы и просчитывал мои реакции, заранее зная результат, а я не могла ничего ему противопоставить. Спустя неделю после тех событий он все еще не выходил у меня из головы. Мысли о нем стали насущной потребностью, как пища или воздух.

Мне хотелось его ударить, и я не знала, почему.

Господи. Заправив волосы за ухо, я шла по коридору.

Гроза началась час назад. Так как летом освещение в школе большей частью не работало – в целях экономии электричества горели только лампы в классных комнатах, – единственным напоминанием о том, что сейчас позднее утро, были отблески дождевых капель, отскакивавших от стекол, и их длинные тени, танцующие на стенах. Занятия только закончились, но едва ли кто-то смог бы об этом догадаться. Школа была уже пуста.

Группа поддержки и игроки команды по лакроссу не появлялись из-за погоды, и по меньшей мере треть учеников, занимавшихся с кураторами, также отсутствовала.

С кураторами. Я вздохнула, спускаясь по лестнице.

За последние несколько дней мы продвинулись очень мало. Уверена, что ребята просто выключились, потому как наступили каникулы.

Хотя с парочкой учеников было приятно заниматься: Ана, к примеру, была очень контактной и способной – но с остальными наши занятия напоминали борьбу. Я понимала, что делаю что-то не так. Они не проявляли инициативы, не отвечали на вопросы и в целом выказывали явное недовольство. Хреновая из меня учительница.

Но, понаблюдав за другими кураторами и их группами, я увидела ту же модель: отсутствие интереса и откровенную скуку. Разумеется, кто захочет проводить летние каникулы в душном классе, в то время как их друзья тусуются и крутят романы на озере Свонси? Ну и пусть. Какое мне дело до их школьных успехов? Если им все равно, то мне – тем более.

Но я понимала: это никудышная отговорка. Мне было не все равно.

«Корректировка поведения нужна не этим ребятам, а тебе».

Черт, Джекс.

Джекс, которого я толком и не видела с прошлого понедельника.

Джекс, на которого я украдкой посматривала из школьного окна, когда он бегал по полю, смеясь и потея.

Джекс, который буквально бросил меня в качалке после того умопомрачительного поцелуя.

Джекс, который наблюдал за мной, когда я училась в старших классах, а теперь мы помещались ролями и за ним наблюдала я.

Резко затормозив, я открыла дверь учительской и вошла, глядя по сторонам в поисках какой-нибудь живой души. В комнате было жутковато: ни света, ни движения, ни единого звука, кроме шума падающей воды за окном. На всех поверхностях мерцали отблески грозы.

Ливень усиливался. Я размышляла, как мне добраться до дома, учитывая тот факт, что обычно я ходила пешком. Нужно было позвонить Шейн.

– Это не обсуждается. – Я повернула голову на резкий голос, доносившийся из кабинета медсестры.

Кто?..

Голос продолжал:

– Как я уже говорил...

Забыв о стопках документов, которые мне нужно было забрать из-под длинного рабочего стола, я тихонько подошла к открытой двери кабинета медсестры, миновав пару других дверей.

Моя короткая многослойная черная юбка тихо колыхалась на бедрах при ходьбе. Наряд дополнял бирюзовый топ. Я потирала голые руки ладонями, пытаюсь унять дрожь.

– Да, Джаред. Я знаю, кто наш отец.

Я застыла на месте. Внутри все перевернулось. Это был Джекс. Он говорил с братом.

– На мою долю выпало куда больше побоев, чем на твою, – прорычал он. – Поэтому перестань пытаться меня защитить.

Побоев?

Подойдя к открытой двери, я осторожно заглянула внутрь. В животе тут же закружились бабочки.

Однако Джекс был в полном раздрае. В буквальном смысле.

На нем были длинные черные шорты из сетчатой ткани и черные беговые кроссовки. Волосы, обычно собранные в тугий хвост на затылке, прилипли к его мокрой спине, и я не могла понять, отчего, – то ли он вспотел в качалке, то ли промок под дождем. Удерживая телефон плечом, Джекс ходил по кабинету и что-то искал. Ему явно было непросто, потому что он прижимал ладонь к порезу на животе, в то время как из раны на локте на выложенный плиткой пол капала алая кровь.

Я слышала голос Джареда, доносившийся из трубки, но слов разобрать не могла.

Джекс одну за другой распахивал дверцы шкафчиков и вновь захлопывал их обратно, и, несмотря на его помятый вид, у меня возникло такое чувство, что его раздражение вызвано отнюдь не этими царапинами.

– Если он выйдет раньше, значит, так тому и быть! – заорал он, ногой захлопнув шкафчик, и я съежилась. – Получай свой судебный запрет, но меня в это не вмешивай. Если он ко мне приблизится, я ему глотку перережу!

И теперь я услышала слова Джареда отчетливо и громко:

– Не надо давать мне еще один повод для беспокойства!

Джекс не ответил. Он убрал телефон от уха, нажал отбой и швырнул его на одну из кушеток.

– Сукин сын, – проворчал он, опершись рукой на шкафчик и опустив на нее голову.

Его грудь быстро вздымалась и опускалась, он дышал тяжело, но я знала, что причиной тому не раны. Я застыла на месте, прикусив губу и понимая, что должна развернуться и уйти. С тех пор как я вернулась в город, он вел себя со мной просто отвратительно.

Но, вместо того чтобы убраться, захотелось... убедиться, что он в порядке.

По правде говоря, мне нравилось видеть его таким, потерявшим контроль, и я смотрела на него как замороженная.

Он постоял так еще несколько секунд, и наконец его дыхание выровнялось.

Я никогда еще не видела Джекса на взводе. Это Джаред с его бурным темпераментом обычно взрывался, как сигнальная ракета в небе. Он метал гром и молнии, и все вокруг тут же понимали, что он зол.

Действия Джекса, напротив, всегда – всегда – отличались точностью и малозаметностью, словно все его шаги и решения были продуманы и просчитаны заранее. Я частенько задавалась вопросом, спит ли он вообще или вместо этого планирует грядущий день, стараясь предугадать ход каждой беседы, в которой будет участвовать, каждый поворот событий.

Что же могло заставить его вот так потерять самообладание? Выйти из себя? И почему мне так хотелось снова увидеть его таким?

Это из-за отца, подумала я. Эта тема могла по-настоящему вывести его из себя.

Со мной это тоже случилось.

Облизнув губы, я произнесла:

– Ложись.

Джек оторвался от шкафчика и, резко повернувшись, устремил на меня сердитый взгляд, словно сразу понял, что это я.

Взгляд его голубых глаз словно пригвоздил меня к месту на пару секунд, и я успела заметить, как натянулась на его лице безупречная карамельная кожа и как напряглась нижняя челюсть, отчего на щеках появились симметричные ямочки; успела рассмотреть сурово насупленные черные брови.

Когда-нибудь, наверное, мы сможем смотреть друг на друга без хмурой гримасы на лице. Но пока это невозможно.

Обычно это я бросала на него уничижительные взгляды. А сейчас он смотрел на меня так, словно я была четырехлетней девочкой, чье поведение невыносимо.

– Ложись, – повторила я, стараясь сохранять спокойствие. – Я найду антисептик и бинты.

Краем глаза я успела заметить, как он прищурился, подозрительно глядя на меня, а потом обошла его и устремилась к шкафчикам у стены, когда почувствовала, как Джек схватил меня за предплечье, и, застыв, подняла взгляд.

На его лице была словно маска: оно не выражало ровным счетом ничего. Я проследила за каплей, прочертившей дорожку от его виска к щеке, и могу поклясться, почувствовала привкус соли в воздухе – и облизнула губы.

Его кадык дернулся вверх, прежде чем он заговорил.

– Я сам могу это сделать. – голос прозвучал хрипло.

Изогнув бровь, я посмотрела на его пальцы, сомкнувшиеся на моей руке.

– Я и не говорила, что не можешь. – Я отвела в сторону один палец, а следом и все остальные, затем отвернулась и стала искать бинты и что-нибудь, чем промыть раны. Старалась не прислушиваться к каждому его движению и все равно уловила, как скрипнули подошвы кроссовок и как прогнулась кушетка под весом его тела.

Прикусив нижнюю губу, я протянула руку за антисептиком и нечаянно опрокинула бутылку перекиси, стоявшей в шкафчике. Неуклюже наклонилась, чтобы поднять ее с пола. Слава богу, бутылка была пластмассовая.

Находясь рядом с Джеком, я никак не могла взять себя в руки, пока он полуобнаженный лежал на кушетке. В школе было темно, ни единой души, и, крепко зажмурившись и сделав медленный, плавный выдох, я взяла все необходимое в руки и подошла к кушетке.

Оказалось, что Джек прилег лишь наполовину. Только услышав, как что-то упало на пол, я поняла, что самообладание меня подвело, и я снова что-то выронила из рук, поэтому быстро бросила все припасы на кушетку рядом с ним.

Его ноги в черных кроссовках были на полу, а накачанный торс покоился на кушетке. Как раз это было не так уж и странно. Возможно, ляг он полностью, то почувствовал бы себя уязвимым.

Странность заключалась в том, что он опирался на локти, и от этого по моим рукам пробежала нервная дрожь.

Он собирался наблюдать за мной.

Я набрала воздуха в грудь и наклонилась, чтобы вскрыть упаковку с бинтами.

– Ляг нормально, – пробормотала я, ощущая на себе его взгляд.

– Нет.

Что?

Я посмотрела на него и тут же застыла. Джекс смотрел на меня не моргая. Его взгляд скользнул вниз, к моему топу, а потом вернулся обратно к моему лицу, и тогда я увидела, как уголок его рта изогнулся и выражение лица стало расслабленным и довольным. И мне все стало ясно.

Джексон Трент – сущий дьявол.

Я покачала головой.

– Я с тобой по-доброму. Ты бы тоже мог.

– По-доброму? – хохотнул он себе под нос. – Да не нужна мне твоя доброта.

Я стиснула зубы. В чем его проблема?

Схватив бутылку с перекисью, которую незадолго до этого уронила на пол, я открутила крышку и струйкой вылила жидкость прямо на порез на животе.

Зашипев, он схватил марлю и прижал ее к ране.

– Какого черта?

– Упс, – пропела я и закрутила крышку.

Бросив флакон на кушетку, я ногой раздвинула в стороны его стопы и опустилась на колени между его ног. Он наблюдал за мной, а я положила ладони ему на бедра и медленно наклонила голову к его животу. Убрав в сторону его руку с марлей, я легко подула прохладным воздухом на пузырящуюся перекись, чтобы унять жжение.

Краем глаза я заметила, как он вздрогнул, а потом замер и лежал неподвижно, словно вовсе не дышал. Я надувала щеки и раз за разом дула на порезы, вода головой из стороны в сторону.

Вокруг меня витал едва уловимый аромат его геля для душа, смешиваясь с запахом дождя и пота, и я закрыла глаза, забывшись.

– Кейси, – выдохнул он, и, посмотрев на него, я увидела, что он запрокинул голову назад и тоже закрыл глаза. Его грудь вздымалась и опускалась, а кадык перекатывался, и я не могла заставить себя отвести взгляд от него и его идеального торса.

Ему нравилось, и, черт возьми, я боролась с соблазном поцеловать его.

Переместив вес тела на пятки, я посмотрела на него с улыбкой.

– И все-таки тебе нравится моя доброта.

Ухмыльнувшись, я встала на колени, взяла физраствор и марлю, а Джекс поднял голову и стал смотреть на меня.

– Так что же произошло? – спросила я, прижав марлю к коже прямо под порезами, чтобы она впитала стекающий раствор.

Затем вылила немного раствора на раны, чтобы промыть их, и мышцы пресса у него напряглись, вероятно, от холодной жидкости, так как физраствор не вызывал жжения.

Он втянул воздух сквозь сжатые зубы.

– У ребятшек, помешанных на естествознании, на крыше парники, – проворчал он, и я едва не рассмеялась. – Мастерс попросил меня подняться и проверить, закрыты ли крыши. Я поскользнулся, спускаясь по лестнице. Зацепился за какие-то болты.

Ой.

Оставшимся куском марли я вытерла раствор, а потом открыла упаковку с влажными салфетками и убрала кровь.

– Тебе следует надеть перчатки, – заметил он. – Ну, знаешь, кровь и все такое.

– А я думала, что с тобой девушке ничего не грозит, – парировала я, открывая упаковку с пластырями. – Ты разве не об этом мне говорил?

С минуту Джекс молчал, наблюдая за тем, как я приклеиваю на живот три прямоугольных пластыря.

– Не просто девушке, а моей девушке, – наконец уточнил он. – И все же тебе не стоит быть столь беспечной. В следующий раз надевай перчатки.

Я проигнорировала эти слова. Когда он вел себя подобным образом, у меня возникало странное чувство.

Он привык отчитывать меня, но порой будто бы оберегал, а в дополнение ко всему вышеперечисленному еще и вел себя как настоящий козел. Я решила, что снисходительность – это его способ обеспечить себе превосходство.

Выпрямившись, сменила тему:

– Еще где-нибудь болит?

Джекс помешкал лишь мгновение. А потом согнул правую руку, подняв локоть и показав мне царапины, которые я заметила, еще когда стояла за дверью.

Я повторила ту же процедуру, встала и склонилась над ним, промыла физраствором раны, подставив марлю.

Он зашипел и скомандовал:

– Подуй.

– Так ведь не больно же, – усмехнулась я, отлично зная, что физраствор не щиплет и не жжет.

– Господи, Кейси, – рявкнул он, поморщившись.

Я закатила глаза, но уступила. Взяв его руку снизу, я наклонилась и осторожно подула на царапины. Запах Джекса вновь окутал меня, и мне отчаянно хотелось закрыть рот и втянуть его носом.

Но я этого не сделала: знала, что он внимательно наблюдает за мной.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросила я, вытирая остатки раствора и кровь.

Я не взглянула на него, но услышала, как он сглотнул.

– Просто ты впервые в жизни сделала мне приятно, вот и все, – ответил он. И, возможно, это были самые искренние слова, которые я когда-либо слышала.

Я нахмурила брови.

Впервые сделала ему приятно? Я не знала, что на это сказать. Мне совершенно нечего было ответить.

Я молча закончила обрабатывать раны и быстро наклеила пластыри, больше не глядя ему в глаза. В старших классах Джекс пытался быть со мной милым. Он хотел быть мне другом. Возможно, с перспективой более близких отношений. А теперь я навязывала ему свое внимание, в котором, он, вероятно, не нуждался.

– Могу я спросить? – рискнула я.

– О чем?

– Той ночью, когда ты отвез Лиама домой... – я проглотила комок в горле, разглаживая пальцами пластырь на его руке, – ты сказал, что у тебя есть татуировки. Слишком много. – Я сфокусировала взгляд на его предплечье. – Что ты имел в виду? – Очевидно же, что у Джекса не было ни единой татуировки. Его фраза не имела никакого смысла.

Он отвернулся и медленно, глубоко вздохнул. Так, словно собирался нырнуть с головой под воду и знал, что вынырнет не скоро.

– Извини, – тихо произнесла я, выправившись и смяв упаковки от пластырей в кулаке. – Я просто... не знаю... Просто хочу тебя понять.

Наконец я посмотрела ему в глаза. Он молча изучал меня. Может, пытался придумать ответ, правда я не была уверена, хотел ли он вообще что-то объяснять. Забавно, за прошедшее время я не раз вспоминала те его слова, но только сегодня, случайно подслушав их разговор с Джаредом, поняла, что они как-то связаны с его детством.

Я совсем не знала, кто такой Джексон Трент.

Он потерял предплечье и прищурился.

– Если бы ты решила сделать себе татуировку, что бы ты попросила изобразить?

Я моргнула, потрясенная его вопросом.

– Хм. – Тихо усмехнулась, задумавшись над ответом, а потом призналась: – Наверное, крылья ангела. Причем одно из них сломанное.

– Это как-то связано с твоим прошлым?

– Да, – кивнула я.

– И это что-то, о чем ты хотела бы помнить?

– Да.

– Вот поэтому у меня нет татуировок, – подытожил он. – Люди делают татуировки по разным причинам, но так или иначе это всегда напоминания о том, что сделало их такими, какие они сейчас. Я же не хочу вспоминать о людях, которые дали мне жизнь. О людях, которые меня вырастили... – Он решительно покачал головой. – О местах, которые я видел, о поступках, которые я совершил. Все равно из головы это не выкинешь. Так зачем еще и рисовать это на теле? Я ни на чем не хочу заикливаться.

Его язвительный тон был адресован не мне, но я понимала, что задела его за живое. И догадывалась, о чем он говорит. Воспоминания о детстве по-прежнему причиняли боль, и он не хотел думать о них, глядя в зеркало.

Нашим друзьям повезло. Мать Тэйт – хоть и ушла из жизни – любила ее. Отец всегда был рядом. Черт, да даже мама Джаред в итоге оказалась классной. А родители Шейн хоть и контролировали ее чрезмерно, но очень переживали за дочь.

Внезапно я поняла, что у нас с Джексонсом Трентом общего. Насколько иной могла бы быть наша жизнь без нерадивых родителей. Или родился мы в других семьях.

– Ни матерей, ни отцов, – прошептала я.

– Что?

Моргнув, я покачала головой:

– Ничего.

Только когда мои легкие начали гореть, я осознала, что все это время не дышала.

Сделав глубокий вдох и собрав медикаменты, я выпрямилась и спросила:

– Твой брат много для тебя значит? Джаред, Мэддок, Тэйт... Возможно, когда-нибудь ты поймешь, как тебе на самом деле повезло, или найдешь что-то или кого-то, кто будет тебе безразличен.

Может, и я буду в их числе, подумала я, подходя к шкафчикам и расставляя все по местам, в точности так же, как было.

Вспышка молнии осветила комнату, и через несколько мгновений послышался раскат грома.

Черт. Я же так и не позвонила Шейн.

Услышав, как скрипнула кушетка у меня за спиной, я поняла, что Джек поднялся.

– Там дождь, – произнес он. – Я тебя подброшу. Пошли.

Повернувшись, я увидела его массивный силуэт в дверном проеме. Он натягивал серую футболку, на которой виднелись разрывы и пятна крови.

Господи. Я едва не задохнулась, увидев, как напряглись мышцы его живота, проследила взглядом за V-образными линиями, которые исчезали под шортами. Футболка сидела на нем свободно, но ее короткие рукава облегли бицепсы. Высокий, в меру мускулистый, он был просто идеален. И я готова была поспорить, что любая женщина думала то же самое, глядя на него.

Чистый секс.

Я отвернулась к шкафчикам, пытаюсь замедлить дыхание и не думать о нас с Джексонсом вдвоем в машине.

«Я подброшу тебя». Я покачала головой. *Ага, черта с два*.

– Все в порядке, – пробормотала я, не поворачиваясь к нему. – Я позвоню Шейн.

– Даже не думай вынуждать свою сестру сесть за руль в такую погоду, – произнес он своим размеренным низким голосом, в котором послышалась угроза. – Иначе мне придется придумать что-нибудь еще, чтобы снова поставить тебя на колени.

У меня вытянулось лицо, а во рту пересохло. *Маленький засранец.*

– Не зли меня, Кейси. Я буду у входа через пять минут.

И с этими словами он исчез.

Машина Джекса когда-то принадлежала Джареду. Я столько раз видела ее за эти годы. Хотя она была старше, чем «камаро» Лиама, но определенно крепче. Или, возможно, просто так казалось. Я помню, как сидела в машине Лиама на светофоре и у меня было такое ощущение, что вот-вот откажет мотор или случится что-нибудь еще в этом роде. Она даже двигалась так, будто в любой момент заглохнет.

Но в черном «мустанге GT» Джекса я чувствовала себя так, словно сидела в турбореактивном самолете, прочном как сталь. Автомобиль с легкостью скользил сквозь пелену проливного дождя. Из-за черного цвета салона создавалось впечатление, будто ты в пещере. Косые струи дождя били в лобовое стекло. Я почти ничего не видела впереди, так как дворники с трудом справлялись с таким потоком воды.

Но эта машина оказалась надежным убежищем от дождя, который хлестал по крыше сверху, а брызги из-под колес отдаленным эхом стучали по кузову.

Находясь в тепле и безопасности, я все еще никак не могла унять нервную дрожь, от которой волоски на моих руках стояли дыбом. Я сжала ткань своей юбки в кулаках и смотрела невидящим взглядом в окно.

Он был слишком близко. И – я вытерла ладони о свои теплые бедра – недостаточно близко.

– Вот, – заговорил Джекс, и я вздрогнула. Он протянул руку за полотенцем, лежавшим на заднем сиденье и бросил его мне. – Оно чистое.

Ну, разумеется, чистое. Джекс мог время от времени запачкать руки, но его одежда и автомобиль – во всяком случае, судя по тому, что я видела, – были безупречны. Черт, даже его дом выглядел девственно чистым.

– Спасибо, – сказала я, поймав полотенце у груди.

Хоть какое-то занятие. Все что угодно...

Я нагнулась и вытерла ноги, а потом сняла шлепанцы и насухо промокнула ступни.

Я не успела промокнуть насквозь, да и Джекс подъехал максимально близко к школьному входу, но мне все же досталось. Одежда была в мокрых пятнах размером с монету, а пряди волос прилипли к шее и плечам.

Вытерев бедра, я прислонилась спиной к сиденью и отерла капли воды со своих голых рук.

Вытираясь, я чувствовала, что Джекс наблюдает за мной.

Повернувшись, я положила полотенце на заднее сиденье и замерла, когда в полной тишине у меня в животе раздалось урчание – доказательство того, что я ничего не ела с раннего утра.

Черт. Я снова повернулась и пристегнула ремень, надеясь, что он ничего не слышал.

Но нет.

– Ты голодная? – спросил Джекс, бросив взгляд в мою сторону. – У меня есть что перекусить, если хочешь.

– Нет, все в порядке, – пробормотала я, не глядя на него.

И тут у меня в животе снова заурчало. Я закрыла глаза и обхватила себя руками, вжавшись в сиденье.

– Господи, – усмехнувшись, он снова протянул руку и достал из сумки на заднем сиденье пластиковый контейнер.

– Ешь, – скомандовал Джекс, поставив его мне на колени.

Я поджала губы. Почему он говорит со мной таким снисходительным тоном?

– Все нормально, – сказала я, отворачиваясь к окну. – Я все равно скоро буду дома.

– Значит, домой я тебя могу отвезти, но еду мою ты есть не станешь?

Мои глаза округлились, я посмотрела на него.

– Ты же сам заставил меня поехать с тобой, – заметила я, а потом тихо добавила: – Я благодарна, разумеется. – И покачала головой, не сумев сдержать улыбку. – Ладно, – проворчала я, – поем.

И в считанные секунды я сняла с контейнера крышку и удивленно уставилась на ломтики арбуза, лежавшие внутри. Взяв ломтик двумя пальцами, я пошутила:

– Фрукты? Я никогда не представляла тебя нарезающим арбуз, Джекс.

– Но в других сценах ты меня представляла, – невозмутимо произнес он, и на его лице появилось такое выражение, словно ему было все обо мне известно.

Переключив передачу, он устремился вперед, а я закатила глаза, не желая развивать эту тему, поднесла к губам ломтик арбуза и откусила половину. Мне нравилось ощущение его зернистой поверхности на языке. Рот заполнился сладким соком, и в животе снова заурчало, на сей раз одобрительно.

Проглотив сок, я едва не рассмеялась и вовремя прикрыла рот рукой: я и не думала, что была настолько голодна.

– Очень вкусно. Спасибо.

Но когда я взглянула на Джекса, от моей улыбки не осталось и следа. Он сосредоточенно смотрел на дорогу, и его лицо было похоже на маску. Казалось, он был чем-то рассержен. Машина замедлила ход, и в его прищуренных глазах появилось странное выражение.

– Я что, ем твой обед? – спросила я, внезапно тоже разозлившись на то, что он вынудил меня это съесть. – Я же сказала тебе, что все в порядке...

– Ешь, – оборвал меня он, – пожалуйста.

Он сглотнул, и его кадык дернулся. Ему было явно не по себе.

Я не понимала, чем вызвана эта перемена в его настроении, и не знала, что мне делать. Поэтому просто продолжала жевать, ощущая, как заполняется пустота в желудке. А Джекс вел автомобиль по запруженным улицам.

Заиграла композиция *The Deep End* группы Crossfade, и я отдалась собственным мыслям, почти не пытаясь скрыть, что наблюдаю за ним.

Джекс вел машину абсолютно по-мужски: спина прижата к спинке сиденья, прямая рука стальной хваткой лежит на руле в положении на двенадцать часов, подбородок опущен. Когда он переключал передачи, я смотрела на его кисть, скользила взглядом по мускулам на предплечье, отмечала, как они напрягаются. Мне нравилось, как автомобиль набирает ход, как рычит и вибрирует мотор, отчего по моим ногам пробегали мурашки.

Мне хотелось уметь водить вот так.

Я никогда не просила Лиама научить меня, хотя он наверняка бы согласился. Если не принимать во внимание все эти чертовы измены, мой бойфренд – бывший бойфренд – был, в общем-то, неплохим парнем, и договориться с ним было легко.

Но я сама никогда не думала, что смогу. Как глупо! Ведь я хорошо училась в школе и была способной.

Я продолжала есть, поглядывая на руку Джекса всякий раз, когда он переключал передачи. Пыталась запомнить, что он делает, чтобы машина набирала скорость, наблюдала за тем, как синхронно двигаются его ноги и руки.

Когда я была маленькой, мать сводила меня на симфонический концерт в Чикаго. Я помню, что зрители смотрели на музыкантов, а я следила за дирижером. Эта способность управлять всем действием завораживала меня. Я завидовала его самоконтролю, умению руко-

водить столькими инструментами, чтобы в результате получилось нечто настолько прекрасное. Это было как потрясающий пазл, и тебе нужно было найти верный способ собрать все части воедино.

Я тихо жевала, наблюдая за Джексом, следя взглядом за его движениями, и чертовски хорошо понимала, что, если бы мне пришлось выбирать, за кем наблюдать – за дирижером или за Джексоном Трентом, я бы выбрала Джексона Трента.

Его длинные пальцы сжимали рычаг переключения передач, мускулистые икры напрягались всякий раз, когда он выжимал сцепление, а голубые глаза, которые – клянусь – почернели, напряженно смотрели в лобовое стекло.

Я могла бы бесконечно любоваться тем, как он ведет машину.

– Перестань на меня смотреть, – сказал он, и я тут же перевела взгляд на его лицо.

Черт!

Он по-прежнему смотрел в лобовое стекло, его губы были приоткрыты, а лицо выглядело настороженным.

– Что? – спросила я, сделав вид, будто не поняла, о чем он. Будто я сейчас не пускала слюни, глядя, как он ведет автомобиль. Но это было бесполезно. Мои щеки пылали, и я уверена, он это заметил.

– Из-за тебя мы попадем в аварию, черт возьми, – выругался Джекс.

– Из-за меня? – нахмурилась я. – И что же я такого сделала?

Он покачал головой, издав едва слышный смешок.

– Сделай одолжение, ладно? – его голос вдруг стал мягким и чувственным. В этой внезапной перемене было что-то угрожающее.

Джекс стрельнул в меня взглядом, и я захлопнула рот, проглотив остатки арбуза. Какого черта он смотрит на меня вот так?

Дернув подбородком в мою сторону, он произнес:

– У тебя на губах арбузный сок. Слижи его, или это сделаю я.

Я ошарашенно опустила руку с ломтиком арбуза. Это что, шутка? Но нет, вызов в его взгляде, угроза в его тихом голосе, охватившее меня ощущение опасности – все это едва ли было шуткой. Я моргнула и, отвернувшись, уставилась в лобовое стекло.

Что за черт!

Быстрым движением я слизнула с губ остатки сока и закрыла контейнер.

В моей сумке зазвонил телефон, и я протянула за ним руку, радуясь возможности отвлечься. Но, взглянув на экран, поежилась.

Снова мать. Она дважды звонила, а теперь прислала еще одно сообщение.

«В доме у Тэйт. Через десять минут».

Покачав головой, я снова засунула телефон в сумку, пытаюсь избавиться от дурного предчувствия. Какого черта ей нужно? Когда я приехала в город, она даже не удосужилась поинтересоваться, как я добралась, а несколько дней спустя звонит и пишет не переставая. Может, просто никак не смирится с тем фактом, что я сама ей не позвонила? Не знаю. Но видеть ее я не хотела. Только не сегодня и, скорее всего, не в ближайшее время.

– Кто это? – спросил Джекс.

Я вздохнула, продолжая смотреть в окно. К чему лгать?

– Моя мать. Она ждет меня дома у Тэйт.

– Зачем?

Я пожала плечами, почувствовав, как меня одолевает грусть. Не то чтобы я не хотела с ним это обсуждать. Просто не могла. Кто знал, что будет на этот раз, когда я открою рот? И как быстро воспоминания о матери разрушат тот кокон блаженства, в котором я сейчас находилась?

– Откуда мне знать? – проворчала я. – Ты задаешь слишком много вопросов.

Я не хотела видеть ее и слышать ее голос. Не хотела, чтобы она прикасалась ко мне.
Я поджала губы, затылком ощущая взгляд Джекса.

Мы повернули на Фолл-Эвей-лейн. Ливень почти не влиял на скорость, с которой Джекс вел машину.

Я закрыла глаза. *Пожалуйста, не останавливайся. Пожалуйста.* Я вцепилась в ручку двери. Тупая боль внутри становилась все сильнее, по мере того как он приближался к дому.

Три секунды.

Две.

И наконец одна.

Но он не остановился.

Он не остановился! У меня округлились глаза. Повернув голову, я увидела его самодовольно изогнутую бровь.

– Что ты делаешь? Куда ты едешь? – выпалила я, уперев правую руку в приборную панель, когда он снова прибавил скорость.

– Ты хочешь домой? – спросил он в свою очередь.

Нет.

– Э-э... м-м, – протянула я.

– Хорошо. – Улыбнувшись, он переключил передачу вверх – по крайней мере, судя по тому, что скорость снова увеличилась. – Могу понять. Своих родителей я бы тоже видеть не захотел.

– Ла-а-адно. И куда же ты собираешься меня отвезти?

Джекс не ответил. Сделав музыку погромче, он устремился вперед, по безлюдным улицам, сквозь пелену дождя.

Глава 6. Кейси

«Петля» считалась неофициальной гоночной трассой города. Это место посещали все старшекласники, у которых имелись подходящая машина или свободные деньги для ставок. На деле же «Петля» была просто грязной дорогой вокруг огромного пруда на территории фермы Бенсонов.

– Джекс, думаю, тебе лучше просто отвезти меня домой, – сказала я, стараясь скрыть горечь в голосе, когда мы повернули на длинную подъездную дорогу, которая могла вести только в одно место.

Я ненавидела «Петлю».

Ненавидела машины. Меня раздражал тот факт, что я ничего о них не знала. Раздражало, что мой бывший в старших классах встречался здесь с другой девушкой. Раздражало, что всем здесь нравилось, кроме меня, и что была настолько неуверенной в себе и непросвещенной, что, находясь здесь, всегда старалась слиться с толпой.

– Я подарил тебе свободу, – с иронией сказал Джекс. – И ты не будешь смотреть на меня так, словно я только что помочился на твою сумочку Prada. Давай повеселимся.

– Ну, если только ты не планируешь раздеть меня – чему не бывать, – я не понимаю, с чего ты решил, что кому-то из нас здесь будет весело. Что, по-твоему, я буду делать?

– Водить машину.

Сердце подскочило в груди.

– Прости, что?

– Ты слышала.

Что? Но... как? Я не умела водить механику! Я поставила ноги на пол, готовая выскочить из машины, и тут заметила, что больше не слышно хруста гравия под колесами.

– Трассу что, заасфальтировали? – выпалила я.

У трека теперь было бетонное основание, и он стал вдвое шире. В стороне было установлено несколько небольших трибун.

– Джекс, – пробормотала я, присматриваясь к тому, что могла разглядеть сквозь пелену дождя. Это что, светофор на финишной черте? Потом я посмотрела влево. А это место для... комментатора? Seriously? – Что здесь произошло?

– Посмотри на меня, – скомандовал он, проигнорировав мой вопрос.

Я повернулась к нему и тут же забыла, о чем спрашивала.

Джекс остановился и поставил машину на стояночный тормоз.

– Сколько у тебя было парней, кроме Лиама?

Мои брови сдвинулись к переносице.

– Ты серьезно? Увези меня отсюда.

Какого черта он делает?

Он поднял руки вверх, как бы защищаясь. Его голос был беспечным, словно он вот-вот рассмеется.

– Я не пытаюсь тебя задеть, золотко, – произнес он, откинув голову на подголовник и поглядывая на меня. – Я всего лишь хочу донести до тебя одну мысль. Водить машину на механике – все равно что заниматься сексом. С каждым по-разному. Это как шифр, который нужно разгадать. – Он провел ладонями по рулю, медленно и нежно. – Понять, к каким местам прикасаться. – Его чувственный голос проникал в мое тело. – Какие облизывать. Посасывать. Покусывать.

Твою мать.

– Да некоторых даже трогать необязательно, – заметил он, – порой нужно только бросать взгляды, дразнить, играть... У всех свои эрогенные точки, каждого заводит что-то свое,

Кейси. – Я глазела на него, наблюдая за каждым его движением. Он повернулся и, посмотрев на меня, тихо произнес: – И с этой машиной все в точности так же. Для начала нужно найти сцепление, – пояснил он, и я вскрикнула, когда он резко опустил ногу вниз, выжав педаль. *Господи.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.